

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО СЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ

1884

О К Т Я Б Р Ъ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ВЫБОРЪ И НАЗНАЧЕНІЕ СУДЕЙ. В. Я. Фукса.
- II. О ЧУМѢ ВЪ МОСКВѢ 1771 ГОДА. Окончаніе. А. Г. Брикнера.
- III. ИСКУССТВЕННОЕ ОРОШЕНІЕ И ЕГО ПРИМѢНЕНІЕ НА КАВКАЗЪ И ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ. А. И. Войкова.
- IV. ДОЧЬ АЛДЯРЬ-ХАНА. Разказъ о трехъ различныхъ воспитаніяхъ. Окончаніе. Н. А. Крыжановскаго.
- V. ИЗЪ ПРОЖИТАГО. Гл. XXXIV—XL. Н. П. Гилрова-Платонова.
- VI. БЕЗДНА. Правдивая исторія. Часть третья. Гл. XIV—XVII. В. М. Маркевича.
- VII. ПО ПОВОДУ 400ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ МАРТИНА ЛЮТЕРА. Рѣчь на публичномъ актѣ въ Московской Духовной Академіи 1 октября 1884 года. Д. Ф. Касицына.
- VIII. БИБЛИОГРАФІЯ. I. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяць.—II. А. О. Поспихиль. *Избранныя сочиненія Платона. I. Аналогия Сократа и Критона*. Греческій текстъ съ русскими примѣчаніями и статьей о древнегреческой философіи и Платонѣ. 1884.—III. *Die Orientalische Politik Oesterreichs seit 1714*, von A. Beer.—IV. *Les philosophes et l'Académie Française au dix-huitième siècle*, par L. Brunel.—V. *The countess of Albany*, by Vernon Lee.
- IX. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Возвращается ли правительство.—Военно-учебныя заведенія.—Дѣло судейскаго сафдователя Оедорова.—Улучшеніе въ системѣ государственнаго счетоводства.—Либеральный парламентскій режимъ въ Венгріи.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ОЛИВЬЕ МОГАНЪ. Романъ Виктора Шербюлье. Часть первая. Гл. I—V. Часть вторая. Гл. VI—IX.

ДОЧЬ АЛАЯРЪ-ХАНА*

РАЗКАЗЪ О ТРЕХЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ВОСПИТАНІЯХЪ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

Полковникъ Бжозовскій сдержалъ данное слово. На другой день послѣ бала Марья Федотовна, онъ сдѣлалъ визитъ Трофиму Григорьевичу и Еленѣ Трофимовнѣ.

Когда сауга принесъ его карточку, докторъ Рыбинъ, только что возвратившійся отъ Наташи, сидѣлъ съ дочерью въ своемъ кабинетѣ и разказывалъ ей все что зналъ о происшествіяхъ этого утра. Разказъ этотъ до такой степени заинтересовалъ Елену что ей не хотѣлось прервать его даже для того чтобы видѣть Бжозовскаго.

Впрочемъ, Елена еще съ утра рѣшила не принимать ожидаемаго гостя, дабы показать ему что услуги которыя онъ можетъ оказать не такъ ужъ важны.

„Заняется“, говорила она сама себѣ. „Надо убѣдить его что можно обойтись и безъ его услугъ, а то сдѣлается ужъ чрезчуръ требовательнымъ“.

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 2, 3, 4, 7, 8 и 9.

Но Бжозовскій былъ опытный интриганъ, втереть ему очки было трудно, и заднюю мысль Елены онъ сейчасъ же понималъ. Когда слуга доложилъ ему что Трофимъ Григорьевичъ только что возвратился съ объезда больныхъ и заснулъ, а Елена Трофимовна не одѣвалась, усталая послѣ бала, онъ насмѣшливо улыбулся и вынувъ другую визитную карточку надписавъ на ней карандашомъ по-французски, послѣ своей фамилии Brzozowsky:

„Espère que Mademoiselle appréciera son empressement, comme il comprend sa fatigue.“

— Отдайте барышнѣ въ руки, сказалъ онъ слугѣ,—и скажите что на этихъ дняхъ заѣду.

Независимо отъ соображеній на счетъ Бжозовскаго лица о Еленѣ нужно было еще приготовить почву въ лицѣ графини Alexandrine. Поэтому, отказавъ Бжозовскому, она тотчасъ отправилась къ графинѣ и начала съ того что разказала ей все что знала о событіяхъ этого утра. Графиня, истомленная бессонною ночью послѣ бала, полубольная, слушала Елену лежа въ подушкахъ на диванѣ, сначала довольно безучастно, потомъ все болѣе и болѣе оживляясь.

— Мнѣ до такой степени жаль Наташи что я не могла рѣшиться посѣтить ее сегодня, говорила Елена.—Положеніе ея ужасно.

— Дѣйствительно ужасно, подтвердила графиня.—Досадно и больно сдѣлаться предметомъ всеобщаго порицанія, devenir la cocuiche de la ville, да еще при такой грязной, непристойной обстановкѣ. Бѣднѣя, несчастная дѣвушка! Какъ бы я охотно сдѣлала все чтобы утѣшить, успокоить ее. Пойдемте къ ней сегодня вечеромъ, Hélène, чтобы вмѣстѣ съ нею почитать Евангеліе. Чтеніе Евангелія такъ успокоиваетъ душевныя страданія.

Лицо Елены было настолько въ тѣни что графиня не могла замѣтить той саркастической улыбки которая сопровождала ея отвѣтъ.

— Нѣтъ, графиня, сказала она,—вы только себя измучаете, вы и безъ того нездоровы, да притомъ же положеніе ея требуетъ не столько утѣшенія сколько разъясненія.

— Разъясненія чего? съ любопытствомъ спросила Alexandrine.

— Разъясненія настоящаго ея положенія. Вотъ видите ли, графиня, отвѣчала Елена: — въ сущности она гораздо болѣе

несчастна чѣмъ предполагаете вы и многіе другіе. Она особенно несчастна тѣмъ что заблуждается, ходить съ закрытыми глазами и неминуемо очутится въ пропасти. Сколько разъ изъ состраданія къ ней я принималась разъяснять ей заблужденіе ея, но никогда не имѣла успѣха.

— Что такое говорите вы, Hélène? Я не понимаю васъ, но мнѣ дѣлается уже страшно за бѣдную дѣвушку, спросила графиня съ удивленіемъ, приподнимая голову съ подушки и опираясь на локоть.

— Я говорю что она на пагубу себѣ, какъ часто бываетъ съ неопытными дѣвушками, заблуждается и принимаетъ окружающихъ ее людей за образцы добродѣтели, безкорыстія и благородства, въ то время какъ они могутъ быть очень далеки отъ подобныхъ совершенствъ. Согласитесь что если она ошибается въ человѣкѣ ей близкомъ, если она готова отдать судьбу свою въ его руки и не хочетъ понять что ею только спекулируютъ и предъ нею притворяются, то она готовить сама себѣ страшное и неисправимое горе.

— Бога ради, объясните, Hélène, точнѣе вашу мысль, вы понимаете какъ важно для мѣня знать истину чтобы не повредить Наташѣ. Конечно, вы знаете лучше всѣхъ чрезъ отца вашего все что касается этого семейства и конечно вами руководить одна привязанность къ вашей пріятельницѣ.

Графиня приподнялась уже съ локтя на руку, оперлась на нее и оказалась почти въ сидячемъ положеніи, сама того не замѣчая.

— Не знаю, милая графиня, выговорила Елена тономъ щепетильной совѣстливости, — ей-Богу не знаю, имѣю ли я право говорить вамъ то что я невольно вывожу изъ фактовъ. Вы, напримѣръ, знаете ли что у Гибсона нѣтъ никакого состоянія? Къ тому же онъ много долженъ, дѣла его идутъ плохо, а Наташа очень богата. Ея состояніе мнѣ хорошо извѣстно. Отецъ мой ея опекунъ. Женитьба на Алаяровой можетъ-быть спасаетъ его отъ постыднаго банкротства. Кто можетъ знать его расчеты. Въ дѣлахъ такого рода доказательствъ нѣтъ, а высказывать свои предположенія и догадки значило бы дурно отзываться о человѣкѣ о которомъ вы имѣете вѣроятно очень хорошее мнѣніе. Такимъ образомъ я разобью въ васъ иллюзію, то-есть сдѣлаю очевидную вамъ непріятность безо всякой пользы для дѣла.

— Отчего же безъ пользы! воскликнула графиня съ терпѣніемъ.—Если бѣдная, несчастная сирота владѣетъ въ ошибку, наша обязанность разъяснить ей правду; если она сдѣла, надо постараться открыть ей глаза, что мы и сдѣлаемъ для ея же спасенія; значитъ польза будетъ.

По мѣрѣ того какъ графиня разгорячалась, она спускала все болѣе и болѣе ноги съ кушетки и при послѣднихъ словахъ уже сидѣла, съ виду совершенно здоровая.

— Я пробовала, графиня, открыть ей глаза, какъ вы говорите, но не успѣла въ томъ; ея увѣренность въ Гибсона до того непоколебима что нѣтъ силъ распатать ее. А можетъ-быть она и права, можетъ-быть я ошибаюсь. Еслибы вы сами привадились за дѣло, графиня, легко можетъ-быть что ваши убѣжденія подѣйствовали бы на нее; мои были безуспѣшны.

— И примумъ, *Hélène*, примумъ съ радостью! горячо воскликнула графиня.

— Только не дѣлайте, *chère comtesse*, той же ошибки которую сдѣлала я, не торопитесь, не налирайте на нее сразу, съ сильными обвиненіями на Гибсона; она съ перваго же разу не повѣритъ, и потомъ вы ничего уже съ нею не подѣлаете. Лучше подвигайтесь тихо, поемножку, шагъ за шагомъ, *roug ne pas l'effaçonner*. Сперва возбудите въ ней легкое подозрѣніе, потомъ подкрѣпите возможность подозрѣнія фактами взатыми со стороны, отнюдь не упоминая имя Гибсона, приведите примѣры изъ чужой жизни; затѣмъ примѣните его положеніе къ положенію людей которыхъ вы взяли въ примѣръ, наведите ея мысль на сходство этихъ положеній и обстоятельствъ и на вѣроятное сходство ихъ результатовъ, наконецъ помогите ей вывести самой изъ всего этого свои заключенія. Тутъ главное не въ силѣ самихъ фактовъ, ихъ никогда не найдете подъ руками, а въ постоянномъ повтореніи одной и той же мысли. Какъ капля за каплей должны падать на ея голову ваши подозрѣнія, ваши обвиненія. Она уже сама найдетъ имъ подтвержденіе и доказательства. Какъ видите, милая, добрая Александра Петровна, такая система открывать глаза заблуждающимся и спасать ихъ отъ гибели требуетъ большаго терпѣнія какого у меня нѣтъ. Такъ дѣйствовать могутъ только истинно добродѣтельные люди, умѣющіе владѣть собою и достойные назваться душевными врачами несчастныхъ. Люди эти ниспосылаются Богомъ для утѣшенія страждущихъ.

Говоря это, Елена съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за впечатлѣніемъ которое производилъ слова ея на восторженную дѣвушку. Не трудно было ей убѣдиться что льстивыя выраженія ея подѣйствовали. Въ задумчивыхъ глазахъ Alexandrine, поднятыхъ къ потоку, можно было прочесть что слова Елены о душевныхъ врачахъ примѣняла она къ себѣ, что соблазненная ролью ниспосланной Богомъ для утѣшенія страждущихъ, она рѣшалась предпринять постепенное врачеваніе Наташиной души и какъ будто призывала уже благословеніе свыше на свои начинанія.

Товомъ человѣка рѣшившагося на какое-либо важное предпріятіе и желающаго заранѣе обсудить всѣ средства достигнуть цѣли взвѣсить всѣ могущія встрѣтиться препятствія, она сказала:

— Но чтобы спасти Наташу и открыть ей глаза надо же мнѣ знать что именно угрожаетъ ей, въ чемъ она ошибается.

— Опять повторяю, графиня, что я не вполнѣ увѣрена, имѣю ли я право говорить о человѣкѣ дурно пока это дурное недоказано фактами. Вѣдь можетъ-быть я и ошибаюсь.

— А я повторяю вамъ, Елена, что вы поступаете эгоистично умалчивая о томъ что вы знаете или думаете. Вы дѣлаете большой грѣхъ, вы не хотите спасти человѣка отъ гибели, вы не подаете утопающему руки помощи, вы хладнокровно смотрите какъ несчастная слѣпая бѣжить къ пропасти и готова упасть въ нее если вы ее не остановите.

— Можетъ-быть, графиня, вы отчасти и правы, защищалась Елена.—Я согласна съ вами что она упадетъ въ пропасть если рѣшится отдать и себя и всю судьбу свою человѣку который, Богъ его знаетъ, можетъ-быть безсердеченъ и корыстолюбивъ.

— И при такихъ-то обстоятельствахъ вы молчите, Hélène?!

Елена не отвѣчала, скромно опустивъ глаза въ землю.

— Конечно, продолжала графиня горячася все болѣе и болѣе,—конечно онъ хочетъ жениться чтобы воспользоваться ея состояніемъ и вѣроятно успѣлъ уже овладѣть ея душой и ея вселен, такъ что и она, несчастная слѣпая, готова уже сдѣлаться его женой.

— Нѣтъ, графиня, къ счастью еще нѣтъ. Онъ можетъ-быть и способенъ на все чтобы возбудить въ ней это желаніе,

но еще сегодня отецъ мой, съ которымъ Алаярова совершенно откровенна и который знаетъ всѣ ея мысли, говорилъ мнѣ что пока еще она литасть къ этому браку не только полное равнодушіе, но даже нерасположеніе.

— Значить, возразила графиня увлекаемая нервною фантазіей,—значить между вами установилась уже та мучительная борьба какая нерѣдко бываетъ между настойчивою, упорною волей разчетаиваго эгоиста и пассивнымъ сопротивленіемъ слабой женщины.

— Гдѣ всякая хитрость допускается какъ на войнѣ, поддакнула Елена,—гдѣ сторона упорно желающая достигнуть цѣли (я говорю, замѣтите, не объ этомъ случаѣ, не о Гибсонѣ и Наташѣ, а вообще) нерѣдко подводитъ и подтасовываетъ факты, такъ чтобы сопротивленіе противной стороны пало само собою, чтобы она поставлена была...

— Чтобы она поставлена была въ безвыходное положеніе! почти вскрикнула графиня.

Она соскочила съ дивана, быстро зашагала по комнатѣ и сильно жестикулируя продолжала:

— Бѣдная, несчастная дѣвушка, теперь именно она находится въ этомъ безвыходномъ положеніи. Кто ручается что такое положеніе ея не подготовлено нарочно? Кто можетъ точно знать не заманилъ ли ее Гибсонъ обманомъ къ этимъ Морозовымъ? Не ввелъ ли онъ ее туда съ расчетомъ? Онъ соблазнилъ ея доброе сердце приманкой благотворительности. Не сдѣлалъ ли онъ все это только для того чтобы дать его креатурамъ Морозовымъ возможность оклеветать Алаярову и поставить ее въ положеніе изъ котораго ей остается одинъ выходъ—выйти за него замужъ? Да! это должно быть такъ. Это ясно! окончательно рѣшила графиня.

— Да помните, графиня, откуда же все это ясно и почему вы...

— Перестаньте, *Hélène*, не отвергайте очевидности и не защищайте человѣка недостойнаго, который готовъ погубить такую дѣвушку какъ Алаярова. У меня сердце обливается кровью когда я подумаю о ея положеніи.

Елена замолчала и опять скромно опустила глаза въ землю, поздравляя себя съ тѣмъ что она такъ хорошо знаетъ людей съ которыми ей приходится имѣть дѣло.

Немного успокоясь, графиня сѣла опять на кушетку. Ее какъ будто уже мучила совѣсть за то что она такъ сильно напала на человѣка котораго почти вовсе не знала.

— Вы не хотите, *Hélène*, говорить со мной откровенно и защищаете недостойнаго человѣка. Богъ съ вами! Я не хочу насиловать вашу скромность и вашу сдержанность, сказала *Alexandrine* уже болѣе покойнымъ голосомъ,—но мнѣнія моего о томъ что господинъ Гибсонъ обманываетъ *Алаярову* я уже измѣнить не могу, какъ бы вы ни увѣрили меня въ противномъ. По крайней мѣрѣ скажите мнѣ откровенно, и это вы обязаны сдѣлать если любите *Наташу*: виновенъ или невиновенъ Гибсонъ, по мнѣнію вашему и отца вашего, въ политическомъ дѣлѣ по которому производили у него сегодня обыскъ?

— На это я отвѣчу вамъ, графиня, съ полною откровенностью и съ большимъ удовольствіемъ. Даю вамъ честное слово что его оклеветали совершенно напрасно. Онъ такой же социалистъ-революціонеръ какъ вы сами.

— Однако я слышала отъ вѣрныхъ людей что дѣло его серьезно, сказала графиня, начинавшая въ глубинѣ души уже сожалѣть о человѣкѣ напрасно обвиняемомъ. Гибсонъ несправедливо подозрѣваемый въ социалистскихъ проискахъ и незаслуженно страдающій, казался ей какъ-то отдѣльнымъ человѣкомъ отъ Гибсона корыстолюбиваго претендента на руку *Наташи*.

— Дѣло его стало сегодня къ несчастію еще серьезнѣе, отвѣтила Елена.—Представьте себѣ, за нѣсколько минутъ до прихода полиціи онъ получилъ анонимное письмо предупреждавшее его о томъ что обыскъ будетъ. Въ этомъ письмѣ совѣтовали ему уничтожить скорѣе все что у него есть подозрительнаго. Не успѣвъ онъ прочесть его какъ вошелъ въ кабинетъ полицейскіе.

— Ахъ, несчастный! сорвалось съ языка *Alexandrine*.

— Онъ только что имѣлъ время спрятать письмо въ карманъ. Теперь подумайте только что изъ всего этого можетъ выйти. Если полиція догадалась и нашла у него письмо, Гибсонъ жестоко пострадаетъ, а съ нимъ вмѣстѣ пострадаетъ и *Наташа*, потому что она изъ одного чувства благодарности къ нему не броситъ его въ несчастіи.

Елена нарочно прибавила мысль о *Наташѣ* могущей пострадать вмѣстѣ съ Гибсономъ, чтобы какъ можно болѣе разжалобить графиню и понудить ее изъ привязанности къ *Алаяровой* употребить всѣ средства чтобы спасти Гибсона. Она была увѣрена что собственно въ его пользу *Alexan-*

drine не сдѣлаетъ уже ни шагу послѣ всего что было ею самою говорено о немъ.

Каково же было ея удивленіе когда она увидѣла что графиня въ задумчивости встала опять съ кушетки и зашагала вновь по комнатѣ, но уже не быстро, не горячась, а медленно, и вдругъ совершенно растроганнымъ голосомъ сказала:

— Въ этомъ случаѣ она будетъ права, совсѣмъ права. Такой постулокъ сдѣлаетъ ей честь, онъ будетъ въ высшей степени сердеченъ и благороденъ. Конечно, не я посовѣтую ей поступить иначе.

Произнося эти слова она такъ вдохновенно улыбалась, и глаза ея поднятые вверхъ горѣли такимъ огнемъ что Елена легко прочла въ нихъ сожалѣніе, зачѣмъ не ей самой суждено Провидѣніемъ сыграть такую благородную, самоотверженную роль.

„А, чертъ побери этихъ маіаіаковъ!“ подумала Елена. „Дѣло лошло было такъ хорошо, а вотъ теперь она ужъ согласна соединить ихъ чтобы вмѣстѣ отправить ихъ на каторгу. Надо однакоже свести ее съ седьмага неба на землю.“

— Совершенно съ вами согласна, графиня, тоже вставъ съ кресла и ходя по комнатѣ рядомъ съ графиней сказала Елена,—но все-таки было бы, мнѣ кажется, лучше избѣгнуть такого несчастія. На вашемъ мѣстѣ, *chère comtesse*, я употребила бы всѣ средства чтобы, во-первыхъ, узнать подробности насчетъ бывшаго обыска и въ особенности насчетъ компрометирующаго письма, а во-вторыхъ, повліять на кого саѣдуетъ чтобы увѣрить судей разбирающихъ дѣло Гибсона что онъ никогда социалістомъ не бывалъ и быть имъ не можетъ.

— Вы правы, Елена, совсѣмъ правы, надо помочь ему. Надо помогать больному даже въ безнадежномъ положеніи. Я завтра же утромъ отправляюсь къ разнымъ вліятельнымъ тетушкамъ и кузинамъ, поставлю всѣхъ на ноги и добуду вѣрныя свѣдѣнія.

— Знаете, графиня, кто скорѣе всѣхъ можетъ дать вамъ на этотъ счетъ точныя извѣстія?

— Кто? Скажите, я завтра же обращаюсь къ этимъ людямъ.

— Отецъ вашъ, графъ Петръ Павловичъ, чрезъ гжу Бирюзову. Она всегда, по связямъ своимъ въ разныхъ слояхъ общества, знаетъ первая самую свѣжія новости.

Послѣднія слова Елена выговорила надѣвая шляпку и перчатки.

Она высказала все что хотѣла, употребила всю хитрость, все актерство, къ которымъ была способна чтобы зарядить Alexandrine какъ мину для разрыва цѣли соединяющей Гибсона съ Наташей, но чувствовала что достигла цѣли не вполне. Она потеряла всякую вѣру въ твердость убѣжденій и въ постоянство мыслей графини.

„Опять неудача, какъ съ Анкосовымъ, какъ съ самимъ Уильямомъ“, подумала она. „Неужели придется прибѣгнуть къ Бжозовскому? Ужасно!“

Было уже за пять часовъ вечера когда Елена вышла отъ Alexandrine.

Квартира Трояновскихъ была на Литейной, почти противъ Самеоновской улицы, а Рыбины жили на Большой Конюшенной.

Погода стояла пасмурная, сырая, но дождя пока еще не было, хотя каждую минуту можно было ожидать его. Такую погоду петербургскіе жители условились называть *очень приятною*, и Еленѣ захотѣлось пройтись пѣшкомъ. Перехода Литейную, она становилась посреди улицы чтобы пропустить мимо себя вагонъ конно-железной дороги. На верху вагона и внутри его всѣ мѣста были заняты, и нѣсколько человѣкъ толпились еще на задней площадкѣ у входной двери. Въ этой кучкѣ стоялъ и Михаилъ Павловичъ Лобовъ. Елена тотчасъ же узнала его; конечно и онъ замѣтилъ Елену, такъ какъ не останавливая вагона, ловко соскочилъ съ подножки и подбѣжалъ къ ней.

— Позвольте пройти вмѣстѣ съ вами? сказалъ онъ, раскланиваясь.

— Вы куда-же? нерѣшительно проговорила Елена.

— Все равно, я направляюсь до первого какого-нибудь обѣда.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте обѣдать къ намъ. Пала будетъ очень радъ; онъ бѣдный очень грустенъ, вы его развеселите... Вы вѣдь конечно слышали, торопливо заговорила она, когда вагонъ проползъ мимо, и они остались одни среди улицы, — у Гибсона была сегодня полиція, производили обыскъ.

— Нѣтъ, не слышалъ, ну и что же? нашли что-нибудь подозрительное? равнодушно спросилъ Лобовъ.

— Ничего не знаю, отвѣтила Елена, — думала узнать отъ васъ.

— Отъ меня? помилуйте, что я за всезнайка! Да къ тому же что бы тамъ у него ни случилось, все равно; для его погибели совершенно достаточно одного его пильнаго завода. Не отвертится.

— Это еще что такое? вскрикнула Елена.

— Ага, испугались! Да и есть чего. На пильномъ заводе производили тоже обыскъ, и на этотъ разъ не напрасно. Нашли кое-что и сдѣлали аресты.

— Что вы говорите?! Господи, какое несчастіе! Вѣдь вотъ подите, поймите эту справедливость судьбы. Человѣкъ абсолютно ни въ чемъ не виноватъ, а бѣды на него такъ и сыплются. Чиновникъ имъ облагодѣтельствованный, Морозовъ, этотъ негодяй, на него же клевететь, планъ Дворца у него воруютъ, заводъ его наполняютъ социалистами...

— Да это еще не все, прервалъ ее Лобовъ;—его выдаютъ за европейскаго коммунара подосланнаго въ Россію интернаціоналкой; ему подсовываютъ письмо съ благодарностію всей социальнo-революціонной партіи за доставку плана Дворца; письмо это онъ конечно не догадался уничтожить, и его вѣроятнo наши у него...

— Это ужасно! Какая гадость! И потомъ говорить о справедливости судьбы. Хороша справедливость, нечего сказать... А! да что тутъ пенять на судьбу, тутъ судьба ни при чемъ. Тутъ скрывается другое. Все это пресѣдованіе такъ зло, такъ послѣдовательно и обдуманно зло, что должно-быть ведено было одною головою и одною рукой... Да кто же это наконецъ? Кому понадобилась его погибель?

Елена говорила такъ громко что два офицера шедшіе предъ нею въ нѣсколькихъ шагахъ обернулись съ улыбкой.

— Что жъ это вы кричите на улицѣ, такъ можно нажать себѣ непріятности, выговорилъ Лобовъ тихо, наклонясь къ дѣвушкѣ, потерявшей самообладаніе отъ досады.

Молча дошли они до угла Караванной и Невскаго.

Народу идущаго и ѣдущаго по Невскому было очень много. Всѣ слышали къ обѣду—кто домой, кто въ гости, кто въ рестораны и гостиницы.

— Прежде чѣмъ мы придемъ къ вамъ, началъ опять Лобовъ,—мнѣ хотѣлось бы воспользоваться возможностью переговорить съ вами наединѣ и сказать вамъ нѣсколько словъ хоть бы въ отвѣтъ на ваше послѣднее замѣчаніе. Угодно вамъ выслушать меня? Въ такомъ случаѣ перейдемте на ту сторону Невскаго, тамъ меньше народу.

Не отвѣчая ни слова, Елена перешла вмѣстѣ съ Лобовымъ Невскій Проспектъ. Они зашли въ Екатерининскій скверъ, гдѣ было почти пусто. Лишь нѣсколько темныхъ личностей сидѣли на скамейкахъ.

— Я васъ слушаю, сказала она наконецъ усѣвшись на скамью въ сторонкѣ.

— Вы спрашиваете, Елена Трофимовна, чья рука вела всю эту махинацію противъ Гибсона,—представьте себѣ, ваша собственная; вы сами, вы поднесли ему главную его бѣду. Ваша миниатюрная ножка толкнула его въ пропасть, ваша нѣжная ручка затянула на шею его петлю.

— Мое письмо! сорвалось съ языка Елены.

— Какое письмо? спросилъ удивленный въ свою очередь Лобовъ.

— Ага! вы о письмѣ ничего не знаете; ну, все равно. Я разкажу вамъ послѣ; о такихъ вещахъ нельзя говорить на улицахъ, даже здѣсь въ скверѣ, отвѣчала Елена, озираясь кругомъ.—А теперь продолжайте. Если вы говорите не о письмѣ, то о чемъ же? Чѣмъ еще другимъ я могла повредить ему?

— Вотъ, напримѣръ, вы просили Гибсона принять на заводъ доктора Сомова, помните?

— Сомова? Да, помню очень хорошо, отвѣтила Елена,—помню что онъ былъ сильно рекомендованъ вами и что я просила о немъ Гибсона исключительно изъ желанія сдѣлать вамъ пріятное.

— И вполнѣ достигли желаемого. Вотъ теперь я ужъ такъ и быть скажу вамъ то чего вчера не хотѣлъ говорить. Помните? о саесарѣ? о докторѣ? Сомовъ оказался ярымъ социалистомъ, онъ уже арестованъ, и всѣ бумаги его описаны и захвачены. На заводѣ Гибсона наша еще трехъ рабочихъ уже соблазненныхъ Сомовымъ и причисленныхъ къ боевой дружинѣ. Не простятъ Англичанину укрывательства на его заводѣ цѣлой шайки революціонеровъ.

— Скажите, когда вы меня просили о Сомовѣ, вы уже знали что онъ принадлежитъ къ партіи?..

— Еще бы!

— Довко! сказала Елена.—А позвольте спросить, почему же избрали вы именно меня для устройства всей этой каверзы?

— Почему именно васъ? серьезно переспросилъ Лобовъ глядя на Елену, — почему васъ? полагаю что догадаться не трудно. Вспомните что произошло между нами предъ самымъ тѣмъ временемъ когда я просилъ васъ за Сомова.

Елена вспомнила что около года тому назадъ, предъ самымъ принятіемъ Сомова до ея усиленной просьбы на заводъ, она послѣ долгаго кокетничанья съ Лобовымъ вдругъ оттолкнула его, потому что въ это время любовь къ Гибсону начинала уже завладѣвать ея сердцемъ. Она такъ была слѣпа, такъ недогадлива что расположеніе свое къ Англичанину не только не скрывала отъ Лобова, но даже нерѣдко совѣтовалась съ нимъ какъ бы сдѣлать чтобы скорѣе выдать Наташу замужъ и сдѣлать Гибсона свободнымъ.

Ей сразу стала ясна вся патрля Лобова, умѣнье его притворяться, страшная ревность къ Гибсону, роль дуручки которую онъ заставлялъ разыграть ее и превосходство его надъ нею въ искусствѣ обманывать людей.

— Какой однакоже вы добрый человѣкъ! выговорила она въ задумчивости.

— Знаете, Елена Трофимовна, по мнѣнію всего свѣта и вашему въ томъ числѣ, доброта есть главный признакъ глупости, а глупымъ я быть не хочу и не могу. Глупыми могутъ быть безнаказанно люди знатные, ничего не дѣлающіе, мой кузеньъ Nicolas или эта дура, кузина моя Sophie, а намъ, мѣщанамъ, глупость не проходитъ даромъ. Сейчасъ осѣдаютъ и другихъ глупцовъ возить заставить.

— Всѣ эти гадости вы устроили изъ одной ревности къ Гибсону? спросила Елена.

— Удивляюсь вамъ, право, Елена! Вы, дѣвушка умная и съ характеромъ, неужели до сихъ поръ вы меня не поняли? Да развѣ я такой человѣкъ которымъ можно играть какъ куколѣ: сегодня люблю, завтра не люблю? Я вѣдь не графъ Павелъ Павловичъ? Я говорилъ ужъ вамъ не разъ: во всю жизнь мою я любилъ только мать, а послѣ нея — васъ. И вы могли думать что я такъ вотъ и буду смотрѣть спокойно на такъ называемаго *другаго*? За каждый шагъ который дѣлали вы чтобы сблизиться съ Гибсономъ я навязывалъ ему на шею новую бѣду, вырывалъ подъ его ногами новую яму. Васъ только что потянуло къ нему, вспомните, ему тотчасъ же навязанъ былъ Сомовъ и заводъ его зараженъ былъ социализмомъ. Вы захотѣли пристроить Анкосова къ

Алаяровой чтобъ освободить отъ нея вашего возлюбленнаго и очистить себѣ мѣсто, тотчасъ же былъ украденъ у него планъ Дворца и ему поднесено было письмо социаллистовъ. Вы теперь сочинили Бжозовскаго; я очень хорошо понимаю съ какою цѣлью, а я подкупилъ подлеца Морозова чтобъ онъ сдѣлалъ доносъ. И замѣйте что Морозовъ оклеветалъ не одного Гибсона, но и Алаярову. Ея репутація погибла. Только женитьбой одною можетъ Гибсонъ возстановить ее и очистить предъ свѣтомъ. Вотъ вамъ, Елена Трофимовна, совершенно откровенный отвѣтъ на вопросъ вашъ...

Странное ощущеніе овладѣло Еленой. Хотя ей было въ высшей степени больно узнать что она содѣйствовала, хотя косвенно и бессознательно, гибели Гибсона, котораго любила всею душой, но все-таки какое-то горделивое чувство приятно щекотало ея самолюбіе.

„Какъ однакоже онъ смѣло любить меня!“ думала она не безъ удовольствія, а въ то же время страдала отъ мысли что находится въ зависимости отъ него и что воля этого человѣка тяготѣетъ надъ ней.

„Не поддамся я ему“, думала Елена, „теперь или никогда! надо заставить его отойти отъ меня совсѣмъ и навсегда.“

Но Любовь не дала ей времени высказаться.

— Теперь, сказалъ онъ,—вы затѣваете новую интригу съ помощью Бжозовскаго. Вы знаете, Hélène, что такое Бжозовскій?

— Приблизительно знаю, подлецъ какихъ немного на свѣтѣ, отвѣтила она.

— Ну, такихъ-то не мало найдется да и почище, отвѣтилъ Любовь.—Какъ бы то ни было, вы имѣете въ немъ нужду, и онъ дѣйствительно можетъ услужить вамъ, но за услугу свою онъ потребуетъ съ васъ расплаты... уважительной, и вы отъ него не отвертитесь. У этого человѣка нѣтъ ни чести, ни сердца, ни уваженія къ чему бы то ни было, начиная съ самого себя. Хуже, у него нѣтъ даже того что называется каторжною совѣстью. Вы себѣ представить не можете что это за человѣкъ и на что онъ способенъ.

— Все это я и безъ васъ знаю очень хорошо, возразила Елена съ напускною заальчивостью и съ притворною самоуверенностью,—но я знаю еще то о чемъ вы кажется забыли, а именно что вамъ нѣтъ никакого дѣла до отношеній моихъ къ Бжозовскому.

— Никакого дѣла?! какъ вы ошибаетесь! Такъ знайте же, глухимъ голосомъ и сильно краснѣя отъ волненія произнесъ Лобовъ,—и будьте въ томъ совершенно увѣрены: если мнѣ не суждено владѣть вами, то и никому другому я не уступлю васъ.

Слова эти были сказаны такимъ угрожающимъ тономъ, въ нихъ слышалась такая твердая рѣшимость что Елена мгновенно кольнула въ сердце какой-то ледящей ужасъ, колѣна ея задрожали подъ напывомъ внезапной слабости во всемъ тѣлѣ и сознанія невозможности отдѣлаться отъ Лобова, отъ той роковой зависимости отъ этого человѣка, въ которую своими же интригами поставила она себя.

Но сдаваться безъ борьбы было не въ ея привычкахъ.

— Тотъ кого я люблю, сказала она,—сумѣетъ защитить меня отъ вашихъ преслѣдованій. Его любовь ко мнѣ будетъ конечно...

— Его любовь къ тебѣ, бѣшено шепнулъ ей Лобовъ сухимъ злобѣющимъ голосомъ,—и твоя любовь къ нему будутъ стоить вамъ обоимъ жизни. Вотъ что мнѣ надо было сказать вамъ, Елена Трофимовна. А теперь, если угодно продолжать путь, пойдѣте утѣшать вашего палашу.

Она вышла изъ сквера и пошла по лѣвой сторонѣ Невскаго Проспекта. Долго не могла собраться съ мыслями озабоченная Елена. Она знала что Лобовъ напрасно угрожать не станетъ. Относительно Бжозовскаго ей было все равно. „Пускай себѣ убиваетъ его и самъ отправляется за то въ Сибирь“, думала она, „сразу избавлюсь отъ обоихъ, но Гибсонъ... Если на то пойдетъ чтобъ его спасти, я знаю средство... Я спасу—и вдругъ этотъ сумашедшій... убьетъ... изъ ревности. Вѣдь онъ огнемъ горитъ, отъ него жаромъ лысеть. Ни предъ чѣмъ не остановится.“

Она упорно молчала, и только войдя въ подъездъ своей квартиры обратилась къ Лобову, сдвинувъ брови, гордо подняла голову и строго проговорила:

— Вы думали, Михаилъ Павловичъ, сыграть со мною мелодраматическую сцену и напугать меня. Признаюсь, я надѣялась что вы достаточно знаете меня чтобы не разчитывать...

— Знаю васъ, Елена Трофимовна, знаю отлично, вы ужъ не трудитесь позировать, прервалъ ее Лобовъ въ ту самую минуту когда слуга отворялъ уже дверь.

Разчетъ Елены на дѣйствіе подготовленной эффектной фразы не удался. Надо было входить въ переднюю.

Лобовъ, снимая съ себя пальто и помогая Еленѣ снать бураусъ, прибавилъ по-французски:

— У насъ много общихъ секретовъ которые связываютъ насъ; въ такихъ условіяхъ одна сторона должна подчиняться другой. Я не дорожу ничѣмъ на свѣтѣ, а вы дорожите всѣмъ. Судите сами кто долженъ взять верхъ.

Отвѣтить было уже невозможно. Они входили въ залу которая вмѣстѣ съ тѣмъ служила и гостиной; тамъ нашан Трофима Григорьевича въ глубокомъ раздумьѣ шагающаго по комнатѣ.

Лобовъ не развеселилъ доктора, обѣдъ прошелъ довольно скучно. Елена была не въ духѣ и молчала. Говорилъ только одинъ хозяинъ и разумеется только о событіяхъ этого утра.

Изъ словъ его Лобовъ узналъ то что было недосказано Еленой о письмѣ полученномъ Гибсономъ предъ самымъ приходомъ полиціи.

Конечно, Лобовъ сейчасъ же догадался кто писалъ это письмо.

— Значитъ онъ не успѣлъ его уничтожить? замѣтилъ онъ, глядя пристально на Елену и злобно улыбаясь.

Напрасно старалась она скрыть поднятую ко рту салфеткой невольную краску, выстунившую на ея щекахъ.

— Разумеется вѣтъ, отвѣтилъ Рыбинъ.

— Ну, такъ я его поздравляю, продолжалъ все съ тою же провѣй Лобовъ.—Я почти увѣренъ что кто-нибудь изъ друзей Гибсона предупредилъ его анонимнымъ письмомъ о предстоящемъ обыскѣ. Если полиція овладѣла этимъ письмомъ ему будетъ не хорошо, одной такой записки достаточно чтобъ упрятать пріятеля въ мѣста наиболѣе отдаленныя.

— Если это такъ, возразилъ докторъ,—то надо бы постараться узнать кому пришло въ голову послать такое письмо и такъ жестоко подвести моего друга, надо имя писавшаго передать Гибсону. Если онъ предъявитъ его судьямъ, то пожалуй это и поможетъ ему. Все-таки увидать что извѣщеніе было не отъ социалистовъ.

— Имя автора письма, отвѣчалъ улыбаясь Лобовъ,—я могу узнать; это не такъ трудно. Впрочемъ, я увѣренъ что Гибсонъ самъ ужъ догадался въ чемъ дѣло, а если вѣтъ, то можно и сообщить ему.

Еленѣ продолженіе этого разговора было невыносимо. Чтобы прекратить его, она стала разказывать отцу что видѣла на Невскомъ.

— Ты значить, Лёля, сказала Рыбинъ,—шла отъ Трояновскихъ лѣшкомъ. Это хорошо ты сдѣлала... Моціонъ... Ахъ, да, кстати, что же графиня Александра Петровна?..

— Какъ, вы и кузину Alexandrine подняли на ноги! воскликнулъ Лобовъ, обратясь къ Еленѣ.—Вотъ какъ. Выходить, дѣло усложняется. Да впрочемъ оно и понятно: гдѣ пахнетъ несчастіемъ, тамъ навѣрно торчитъ и моя кузина. Теперь она будетъ посѣщать Алаарову какъ пароксизмы лихорадки. Понимаю васъ, Елена Трофимовна.

Тотчасъ послѣ обѣда Лобовъ ушелъ, оставивъ Елену встревоженною, недовольною собою и серьезно испуганною рѣшительнымъ тономъ молодого человѣка которымъ она думала надѣсть и понукать по произволу и который вмѣсто того бралъ надъ ея волей рѣшительный перевѣсъ.

II.

Въ одно изъ первыхъ чиселъ октября, около двухъ часовъ дня, двухмѣстная извозничья карета остановилась въ началѣ Развѣзжей улицы у Пяти Угловъ. Изъ кареты никто не выходилъ, хотя она не была пустою. Въ ней сидѣла дама плотно закутанная въ ротову изъ бѣлаго мѣха и укрытая чернымъ густымъ вуалемъ. Очевидно она кого-то ожидала.

И дѣйствительно, вскорѣ послѣшно подошелъ военный въ пальто и въ фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ. Оглядаась изъ предосторожности кругомъ и держась за ручку каретной дверцы, онъ сказалъ нѣсколько словъ извозчику, потомъ быстро отворилъ дверцу и вошелъ въ карету, сразу наполнивъ ее прямымъ благовоиємъ *испанской кожи*.

То былъ локковникъ Бжозовскій, котораго ожидала Елена Трофимовна Рыбина.

Карета двинулась сперва вдоль Развѣзжей, потомъ по маленькимъ улицамъ и переулкамъ, напоминающимъ всѣ русскіе провинціальныя города, выѣхала на Семеновскій плацъ уже покрытый снѣгомъ, очутилась позади вокзала Царско-Сельской желѣзной дороги и наконецъ остановилась у небольшого одноэтажнаго каменнаго домика, принадежащаго къ постройкамъ станціи.

Въ домикѣ этомъ жилъ одинъ изъ служащихъ на дорогѣ, молодой человекъ польскаго происхожденія, дальній родственникъ Барюзовой, преданный Бжозовскому и уступавшій въ его распоряженіе квартиру свою каждый разъ когда *панъ пулковскій* былъ en bonne fortune.

— Послушайте, Бжозовскій, заговорила Елена, внезапно прерывая его болтовню, которою онъ забавлялъ ее всю дорогу,—если я согласилась на эту поѣздку, въ которой начинаю уже раскаиваться, то единственно потому что вы обѣщали мнѣ передать подробности насчетъ отношеній... Гибсона къ Мlle Ааларовой, такія подробности которыя дѣлають невозможнымъ бракъ между ними. Вы конечно не забыли ни вашихъ, ни моихъ словъ; вы сказали даже что у васъ въ рукахъ имѣются доказательства этихъ отношеній. Мнѣ эти доказательства необходимы, и я не скрываю предъ вами почему они мнѣ нужны. Я страстно люблю Гибсона, слышите? — я люблю Гибсона и никогда никого другаго любить не буду. Я хочу быть его женой, и если женой его не буду—я умру, я жить не хочу. Вотъ что я должна вамъ сказать; à bon entendeur salut.

— Какъ вы прелестны когда сердитесь, adorable petite chatte, какъ это мило сказали вы: „я жить не хочу“. Полноте, зачѣмъ умирать? Берите скорѣе вашего Англичанина, выходите себѣ замужъ, я понимаю вполне ваши матримоніальныя стремленія; я разделяю ихъ; мало того, я готовъ всѣми силами содѣйствовать имъ; дѣлайтесь скорѣй мистриссъ Уильямъ Гибсонъ и пользуйтесь свободой замужней женщины. *Nâtez vous de coiffer le cheg mari à votre aise et amusez-vous.* Вѣдь живемъ только однажды, а молодость пролетаетъ такъ быстро.

Что прикажете дѣлать съ такимъ человекомъ, въ совершенномъ отчаяніи думала Елена,—какъ съ нимъ сладить? Чѣмъ заставить его исполнить мое желаніе? Говорить ему о душевныхъ ощущеніяхъ, о любви, о чести, о delicatности сердечной—будетъ напрасно. Его надо привести въ состояніе ольгнѣваго человека и тогда *le mettre au pied du mur.*

Въ эту минуту карета остановилась предъ домикомъ служащаго на желѣзной дорогѣ Поляка. Бжозовскій самъ отперъ дверцу кареты, вышелъ и позвонилъ. Дверь тотчасъ же отворилась, показалась какая-то полная, красивая женщина лѣтъ

тридцати, просто но чисто одѣтая. Послѣ короткаго разговора ло-польски женщина исчезла, а Бжозовскій помогъ Еленѣ выйти изъ кареты и ввелъ ее по небольшой каменной лестницѣ въ свѣтаую большую прихожую.

Весь домикъ состоялъ изъ трехъ комнатъ, но комнаты были высокія, большія, съ огромными окнами начинающимися чуть не пола и кончающимися полукругомъ почти у потолка. Въ прихожей и въ первой комнатѣ на окнахъ не было ни стору, ни гардинъ, стѣны были выкрашены мѣловою краской и, не взирая на пасмурный день, до того ярко бѣлали что въ нихъ неприятно было оставаться.

Въ послѣдней комнатѣ висѣли на окнахъ прозрачныя занавѣски. Предъ окнами видѣлись на довольно большое разстояніе нѣсколько десятковъ рельсовыхъ путей. Одни сближались по-парно, скрещивались, пересѣкались, другіе продолжались далеко, такъ что конца ихъ не было видно, третьи упирались въ земляныя насыпи и въ бревенчатыя стѣнки тутъ же, недалеко отъ домика. Насупротивъ стоялъ круглый большой сарай для локомотивовъ. Отъ него шли рельсовые пути какъ радіусы отъ центра.

Мебели въ домикѣ почти не было. Въ прихожей не оказалось даже вѣшалки и не было ни стола, ни стула. Бжозовскій самъ принесъ два стула изъ сосѣдней комнаты и на нихъ сложилъ свое пальто и ротонду Елены.

Въ третьей комнатѣ съ занавѣсками, куда и прошла Елена чтобъ укрыться отъ взоровъ стрѣлочника столваго предъ самыми окнами средней комнаты, находилась кровать до половины закрытая ширмами, умывальный столикъ, широкій и низкій диванъ азіатской формы покрытый большимъ и цѣннымъ бухарскимъ ковромъ, письменный дамскій столъ на которомъ повидимому никто и никогда не писалъ, потому что на немъ не было даже чернильницы, два мягкія кресла и нѣсколько стульевъ. Съ удивленіемъ увидѣла Елена въ углу комнаты большое и прекрасное трюмо. „Должно-быть эта комната меблирована Бжозовскимъ“, подумала она. „Сюда пріѣзжаетъ онъ проводить сладкіе часы со своими конкетами“.

Не снимая ни шляпы, ни перчатокъ, одѣтая вся въ черномъ, сѣла она на стулъ, который сама поставила такъ что ей видны были въ трюмо не только вся эта комната, но и большая половина другой. Дверь соединяющую обѣ комнаты

она отворила настежь, не взирая на сопротивление Бжозовскаго.

— Сядите воть сюда, monsieur Бжозовскій, на этотъ стулъ, чтобъ я могла видѣть васъ, и выслушайте меня, начала Елена, приглашая ласковымъ взглядомъ и жестомъ собесѣдника своего сѣсть на стулъ стоявшій противъ нея.

— Вподлѣ къ вашимъ услугамъ, mademoiselle, отвѣтилъ сядясь противъ Елены Бжозовскій.— Je suis tout oreille.

— Недѣли двѣ тому назадъ вы сказали мнѣ что играли нѣкоторую роль въ романтическомъ происшествіи сопровождавшемъ смерть матери Мlle Алазаровой.

— Такъ есть, такъ, отвѣтилъ разсѣянно Бжозовскій.

Ему впрочемъ было не до отвѣтовъ, онъ даже плохо слышалъ то что говорила ему Елена. Онъ все смотрѣлъ на нее, улавлялъ ея красотой.

— Я вамъ говорила, продолжала она ровнымъ и твердымъ голосомъ,—что мнѣ необходимо знать подробности жизни Анумати, въ особенности ея связи съ Гибсономъ, и имѣть тѣ доказательства которыя сохранились въ вашихъ рукахъ. Вы сказали мнѣ что доказательства эти вы отдадите мнѣ не иначе какъ здѣсь, въ этомъ домѣ. По вашей просьбѣ я сюда пріѣхала, ваше желаніе я исполнила. Я здѣсь одна съ вами. Исполните же и вы ваше обѣщаніе. Разкажите жизнь Анумати, ея любовь, ея увлеченіе и передайте мнѣ доказательства.

Говоря что она сюда пріѣхала, что исполнила просьбу Бжозовскаго, что остается съ нимъ одна, она граціозно перегнулася къ нему и смотрѣла на него такими много обѣщающими глазами что чуть не говорила: воть я вся въ твоей власти, можешь дѣлать со мною что хочешь.

А между тѣмъ онъ испытывалъ что-то небывалое. Онъ не понималъ какъ такая молодая дѣвушка могла импонировать ему, удерживать его словами и увѣреннымъ тономъ въ предѣлахъ скромной учтивости, а вмѣстѣ съ тѣмъ опутывать его неодолимыми чарами и раскалять его воображеніе. Куда же дѣвалась его парижская отвага? Гдѣ эти манеры корифеевъ второй имперіи смотрѣвшихъ на дамъ даже высшаго круга какъ смотрятъ на наѣздицы въ циркѣ? Погруженный въ какое-то оцѣпенѣніе отъ разнородныхъ непривычныхъ чувствъ, которыя удивляли его самого, онъ ловидимо-му не слушалъ Елены; онъ думалъ только общій серьезный

тошь ея и тѣ нѣсколько словъ которыя обожгли его какъ огнемъ.

— Вы изволили поручить мнѣ, сказалъ наконецъ Бжозовскій, не отвѣчая прямо на слова ея, — слѣдить за ходомъ политическаго дѣла Гибсона. Ваше приказаніе я исполнилъ.

„Однакоже онъ молодцомъ владееть собою“, подумала Елена. Судя по выраженію лица и по огню глазъ своего собесѣдника, она ожидала совсѣмъ другаго рода фразъ.

— Ну-съ, и что же? Какъ идетъ дѣло Гибсона? спросила Елена, медленно снимая перчатки и передвигая пальчиками уже голой лѣвой руки, какъ будто приводила ихъ въ чувство послѣ отека.

— У васъ ручка польской аристократки, замѣтилъ Бжозовскій, глядя на длинныя, тонкіе пальцы съ розовыми ноготками.

— Вы находите? сказала она, протянувъ руку впередъ и сама разглядывая свои пальцы, точно въ первый разъ знакомясь съ ними.

Бжозовскій нагнулся, осторожно взялъ протянутую руку и приложилъ къ ней губы. Рука не отодвигалась. Онъ сдѣлался смѣлѣе, взялъ ее обѣими своими руками и началъ цѣловать каждый пальчикъ отдѣльно.

— Не удивительно что во мнѣ много польскаго, продолжала Елена улыбаясь, — моя мать была Польшка и католичка. Я на половину ваша компатріотка. Однако со всѣмъ тѣмъ, что же дѣло Гибсона? Вы начали говорить о немъ, да такъ и не окончили. Мы оба что-то очень разсѣяны, cher monsieur Бжозовскій.

Она отставила руку и принялась стаскивать правую перчатку.

— Къ сожалѣнію, не могу сказать вамъ ничего хорошаго. Въ пользу Гибсона одинъ только голосъ того генерала о которомъ вы говорили. Генералъ конечно очень вліятеленъ, но и онъ пожимаетъ плечами, когда ему говорятъ о предупредительномъ анонимномъ письмѣ. На будущей недѣлѣ, или, самое поздневее, въ послѣднихъ числахъ октября, отвезутъ докладъ о Гибсонѣ и о Сомовѣ въ Ливадію. Хорошаго результата ожидать трудно. Еслибы какъ-нибудь очистить его отъ этого анонимаго письма и доказать что онъ принялъ на заводъ Сомова не зная что онъ принадлежитъ къ партіи социалистовъ, то еще была бы надежда.

— Вы полагаете? проговорила Елена, владея въ задум-

чивость. „Удивительно, право, какъ онъ владѣть собою. Неужели я не довольно хороша чтобы привести его въ то оныя-иѣное состоянiе въ которомъ онъ перестанетъ быть благо-разумнымъ? Il me riqne au jeu, se monsieur.“

Елена глубоко вздохнула, поднялась съ кресла и снимая круглую шляпку, подошла къ дамскому письменному столику, на который и начала класть медленно, молча и разбѣвно: перчатки, вуаль и шляпку; потомъ приблизилась къ трюмо и поднявъ обѣ руки начала поправлять волосы. Бжозовскій видѣлъ въ одно время всѣ обворожительные изгибы ея стана сзади и ея милое личико въ трюмо. Въ зубахъ держала она шпильку, ротъ ея былъ полуоткрытъ, а глаза унывались. Бжозовскій не вытерпѣвъ, всталъ со стула, подошелъ къ ней сзади и такъ же какъ она устремилъ взоръ въ трюмо. Глаза ихъ встрѣтились въ зеркалѣ...

Онъ осторожно, едва прикасаясь, обвилъ одною рукой дивный станъ дѣвушки. Еслибъ она хоть на секунду обернулась, ихъ губы тотчасъ же встрѣтились бы. Какой-то холодъ, въ родѣ перваго озноба, пробѣжалъ по ея тѣлу, между тѣмъ какъ щеки ея зардѣлись жаркимъ румянцемъ...

„Страшно!“ вдругъ мелькнуло въ головѣ ея: „что я дѣлаю?“

Быстрымъ движенiемъ выскользнула она изъ руки ея обвивавшей и послѣдно возвратилась къ своему креслу.

— Какъ хорошо быть мущиной! сказала она усаживаясь, — у васъ множество разнородныхъ воспоминанiй которыхъ мы, женщины, лишены. Въ особенности, продолжала она, — должна быть богата самыми интересными эпизодами жизнь такого человѣка какъ вы.

— Отчего же именно моя жизнь можетъ быть интереснѣе другихъ? самодовольно проговорилъ Бжозовскій.

— Оттого что вы человѣкъ страстный и храбрый, а потому можете нравиться, увлечь женщину. Жизнь такихъ людей должна быть наполнена разными романтическими похожденiями. Наконецъ, вы долго жили въ Парижѣ, да еще во время второй имперiи, когда...

— Когда императрицей была прелестная Евгенiя, съ жаромъ подхватилъ Бжозовскій. — Въ то время собирались ежедневно по вторникамъ на вечерахъ принцессы Amélie. Что за чудное было время! Собиралось все лучшее и веселое общество Парижа, и не только Дворъ, но и артисты, и писатели, и музыканты, и актрисы. И представьте себѣ: все это общество предо мною aux petits soins. Я съ принцессой былъ

очень дружелъ, мы составляли каждый разъ вмѣстѣ списокъ приглашаемыхъ.

— А съ императрицей вы конечно тоже были очень коротко знакомы? спросила Елена, стараясь остаться серьезною.

— Нѣтъ, не особенно, отвѣтилъ Бжозовскій. — Знаете, я былъ такъ близокъ къ самому Наполеону что было бы съ моей стороны безсовѣстно волоочиться за его женой.

— Ужь будто такъ? Что-то не вѣрится, улыбаясь замѣтила Елена.

— Даю вамъ честное слово, послѣшно перебилъ Бжозовскій. — Да вѣдь до чего и доходило у насъ съ нею, не повѣрите, продолжалъ онъ все болѣе и болѣе увлекаясь. — Разъ на вечерѣ у принцессы упросили меня показать какъ танцуютъ мазурку. Была тутъ одна польская графиня изъ Hôtel Lambert, мы съ нею и пошли. Eugénie пришла въ восторгъ. Захотѣла учиться у меня танцовать мазурку. Вообразите, самъ Наполеонъ вмѣшался и заставилъ меня исполнить капризъ императрицы, говоритъ мнѣ вдругъ: „cher Bzozowski, tu ne vas pas refuser ma femme“. Мы съ нимъ, знаете, были на ты en tête-à-tête. Старая, знаете, связь была у насъ еще до soup d'état. Шалили вмѣстѣ, брудершафтъ пили. Вертѣлся тогда при Тюльрийскомъ дворѣ одинъ молодой гусаръ, Англичанинъ; тотъ былъ просто влюбленъ по уши въ императрицу и хотѣлъ тоже непременно танцовать съ нею мазурку. Можете представить себѣ какъ онъ былъ смѣшонъ со своею великобританскою флегмой въ этомъ оживленномъ танцѣ. Императрица и осмѣяла его какъ-то на маленькомъ интимномъ вечерѣ въ Тюльри. Я былъ, разумѣется, тутъ же на вечерѣ и имѣлъ неосторожность улыbnуться, глядя на мазурку Англичанина. Обидѣлся мой бѣдный гусарчикъ. Его собственно раздосадовала насмѣшка Евгени, но съ нея чтѣ возьмешь? Съ досады онъ и прицѣплялся ко мнѣ. На другой день дрались на шлагахъ. Ну, я владѣю шлагой en perfection. Вышла дуэль пресмѣшная. Послѣ первыхъ же его движеній, вижу мальчикъ не умѣетъ держать шлага въ рукѣ. Я и рѣшился проучить его немного. Не останавливая боя говорю ему: „свѣрь, чтобы хорошо танцовать мазурку надо сперва прыгнуть воть этою ногой,“ и колѣнулъ его въ правую ногу, „а потомъ ударить въ полъ воть этою,“ и прокололъ ему лѣвую. Разумѣется, на другой же день во всѣхъ журналахъ въ „Faits divers“ дуэль эта была

описана, tout Paris занятъ былъ ею нѣсколько дней. Сколько визитовъ я получилъ тогда!

— Я замѣчаю, сказала Елена, — что вы всегда встрѣчались враждебно съ Англичанами. Вотъ и съ Гибсономъ вы не поладили.

— Съ нимъ лично я не ссорился, отвѣтилъ Бжозовскій, — но ради его дрался, какъ я ужь и говорилъ вамъ. Онъ былъ въ то время огорченъ потерей любимой женщины.

— Вы говорите про Индианку Анумати?

— Да, про Анумати, любовницу Гибсона. Что за чудная была женщина!

— Вы видѣли ее?

— Какъ же, нѣсколько разъ.

— О! такъ она была и вашею bonne amie?

— Нѣтъ, Hélène, до этого не доходило; у меня, право, не было ни охоты, ни времени.

— Не вѣрю, не вѣрю! возразила Елена, какъ бы мучимая ретроспективною ревностью, — разказывайте другимъ, чудовище!

— Даю вамъ честное слово что вы ошибаетесь.

Бжозовскій серьезно думалъ что слѣдуетъ успокоить ревность Елены.

— Такихъ вещей доказать нельзя, подстрекнула его Елена.

— Какъ нельзя?! горячился Бжозовскій — Я былъ у нея всего два раза и былъ не одинъ; меня водилъ къ ней влюбленный въ нее до безумія Афганецъ Нуралинь.

— Хорошо доказательство, смѣялась Елена, — нечего сказать. Я его даже и не понимаю; что такое Афганецъ Нуралинь, и куда водилъ онъ васъ?

— Дѣйствительно, прекуріозная была вся эта исторія, поѣхалъ опять лзыкъ Бжозовскаго. — Видите ли, Гибсонъ былъ влюбленъ въ Анумати, когда она еще была дѣвушкой, въ Индіи, хотѣлъ даже жениться на ней, но его дядя и тетка вмѣшались въ дѣло и свадьба не состоялась.

— Пока не вижу ничего куріознаго: мушкетеръ любитъ дѣвушку, дѣвушкѣ нравится мушкетеръ...

— Да, но надо сказать вамъ что въ Индіи не то что у насъ въ Петербургѣ. Тамъ со страстью играть опасно. Гибсонъ и Анумати увлекались, и счастливые, въ объятіяхъ одинъ другаго, забыли обо всемъ. Связь ихъ была открыта; поднялась страшная исторія. Дядя испугался, выславъ племянника подальше, а Анумати тотчасъ же выдала замужъ

за прѣзжаго Персіянина Алаяра. Векорѣ послѣ того у Анумати родилась дочь Наталика. Гибсонъ никакъ не могъ забыть Анумати. Долго онъ ее отыскивалъ, наконецъ узналъ что мужъ ея Алаяръ-Ханъ сдѣлался министромъ эмира Бухарскаго...

— И неужели онъ поѣхалъ въ Бухару, рискуя своею головой?

— На его мѣстѣ я давно уже былъ бы тамъ и убилъ бы ея мужа. Но благоразумный Гибсонъ поступилъ иначе. Въ то время Русское правительство было въ войнѣ съ Бухарой. Гибсонъ выхлопоталъ себѣ позволеніе участвовать съ русскими войсками въ экспедиціи и осенью шестьдесятъ шестого года былъ при взятіи Джузака, гдѣ Алаяръ-Ханъ начальствовалъ.

— И она свидѣлась тутъ, и можетъ-быть вы, en vrai chevalier, помогали имъ?

— Нѣтъ, mille Hé!ène, помогать въ такихъ дѣлахъ другому я не охотникъ. Дай Богъ справиться со своими, а тутъ еще устраивать чужія, благодарю покорно! Надо вамъ сказать что при Алаяръ-Ханѣ служилъ Афганецъ Нуралинъ, бывшій прежде офицеромъ въ англійскихъ войскахъ Индіи и хорошо знакомый Гибсону. Черезъ него Анумати завязала сношенія съ прежнимъ любовникомъ своимъ. Нуралинъ бѣжалъ изъ крѣпости, перешелъ на нашу сторону и нѣсколько разъ водилъ Гибсона, переодѣтымъ въ мундиръ сарбаза, въ крѣпость къ Анумати. Случайно я попалъ на слѣдъ этихъ сношеній, пристраждалъ Нуралина что заявлю о немъ начальству какъ о шпіонѣ и привудилъ его свести меня тоже къ Анумати. Такимъ образомъ я имѣлъ случай видѣть эту необыкновенную красавицу.

— Только видѣть? спросила опять Елена, надувъ губки.

— Болѣе ничего какъ видѣть издали, я не говорилъ съ нею ни слова, произнесъ какъ бы оправдываясь Бжозовскій. — Останавливаться долго на такомъ эпизодѣ было невозможно. Мы готовились къ штурму, причемъ я долженъ былъ играть одну изъ главныхъ ролей. Въ отрядѣ потомъ говорили что Нуралинъ далъ слово Гибсону непременно убить Алаяръ-Хана, послѣ чего Анумати съ дочерью должны были отправиться въ Англію вмѣстѣ съ Гибсономъ и принять христіанство. *Roug coignonne* Гоенуге Анумати должна была сдѣлаться его женой. Отъ

самого же Нуралина я слышала иное. Онъ говорилъ мнѣ въ минуту откровенности что непременно убьетъ мужа Анумата, но изъ личной къ нему ненависти. Нуралинъ былъ до безумія влюбленъ въ Анумата, такъ что между нимъ и Аларомъ произошло какое-то враждебное столкновеніе. Но Нуралинъ сдѣлалъ болѣе чѣмъ говорилъ мнѣ. Онъ дѣйствительно убилъ Аларъ-Хана, но этимъ не удовольствовался, онъ убилъ и Анумата, послѣ чего бѣжалъ въ Афганистанъ, а оттуда въ Калькутту, гдѣ вѣроятно находится и теперь если еще живъ. Вотъ изволите видѣть какъ дѣйствуютъ страсти въ Индіи!

— Да, но во всемъ этомъ романѣ я не вижу однакоже причины дуэли вашей съ казачьимъ офицеромъ, о которой вы мнѣ говорили.

— Моей дуэли съ казачьимъ офицеромъ? повторилъ озадаченный Бжозовскій. Увлечшись разказомъ, онъ и забылъ что дуэль, о которой онъ такъ живописно нагагалъ Еленѣ еще на вечерѣ у Марьи Федотовны, надо какъ-нибудь по правдоподобию вклинить въ разказъ о Гибсонѣ и Анумати.

Но предъ подобными пустяками не могло останавливаться долго его изобрѣтательное воображеніе.

— Дѣло это было вотъ какъ, импровизировалъ онъ. — На одной офицерской пирушкѣ, послѣ взятія крѣпости, подульяные собесѣдники много говорили объ Анумати, только что дня за два предъ тѣмъ умершей. Я молчалъ, хотя одинъ изъ всѣхъ зналъ вѣрно всѣ подробности. Былъ въ этомъ обществѣ казачій офицеръ Батуринъ, который какимъ-то случаемъ видѣлъ какъ Нуралинъ убилъ Аларъ-Хана. Разказавъ видѣнное, онъ прибавилъ еще явный намекъ на то о чемъ уже говорили въ лагерѣ, а именно что Нуралинъ былъ подкупленъ Гибсономъ для совершенія этого убійства. Тутъ ужъ я долѣе молчать не могъ. Я долженъ былъ вступить за Англичанина и вступился. Слово-за-слово, произошла ссора и дуэль, да еще какава! Я кажется разказывалъ вамъ?

— Да, разказывали, отвѣтила Елена, — ну и что же! Вы были ранены и все-таки дуэлью ничего не опровергли, такъ что и теперь казачій офицеръ остался вѣроятно при своемъ мѣстѣ...

— Нѣтъ, извините, я убѣдилъ его въ послѣдствіи и довелъ до того что онъ просилъ у меня прощенія.

— Какъ же это могли вы убѣдить его? спросила Елена.

— Какъ его убѣдилъ? повторилъ вопросъ Бжозовскій, придумывая въ это время какъ дѣйствительно могъ онъ убѣдить

его.—Надо вамъ сказать, продолжалъ онъ,—что Нуралиизъ бѣжалъ до окончанія штурма, когда мы только что входили въ цитадель, такъ что не могъ знать навѣрно убила ли Анумати его пуля или только рапила. Неувѣренность эта до такой степени его мучила что вскорѣ затѣмъ, когда я лежалъ еще въ Ташкентскомъ госпиталѣ, онъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ спрашивалъ меня о судьбѣ Гибсона и Анумати. Въ этомъ длинномъ письмѣ, написанномъ ломанымъ ангайскимъ языкомъ, изложено было съ полною откровенностію все что я вамъ сію минуту передалъ. Это-то письмо я и прочелъ Батуруну.

— И оно теперь у васъ? съ трепетомъ въ голосѣ спросилъ Елена.

— У меня, хладнокровно отвѣтилъ Бжозовскій.

Отвѣтъ этотъ прозвучалъ въ ушахъ Елены какъ крикъ одержавшаго побѣду. Все сочиненіе Бжозовскаго показалось ей до того удачнымъ, правдоподобнымъ, а доказательство справедливости его словъ до того убѣдительнымъ что никакая Наташа, казалось Еленѣ, не въ состояніи устоять противъ аргументовъ подобной силы. Сердце ея сильно билось, въ ушахъ шумѣло. Желаніе получить письмо Нуралина и передать его въ руки Наташи заговорило въ ней сильнѣе всего, заставило забыть всѣ другія соображенія. Письмо это казалось ей до того важнымъ что *coûte que coûte*, ей надо было приобрѣсть его, хоть бы пришлось заплатить за него дорогою цѣной. Что же? За такое письмо можно пожертвовать многимъ, очень многимъ... Наконедъ-то видѣла она тутъ, предъ глазами, не какую-нибудь гадательную, нѣтъ—явную возможность достигнуть цѣли. Стоило протянуть руку, и ненавистный бракъ Наташи съ Гибсономъ дѣлался невозможнымъ.

У Елены Трофимовны закружилась голова, помутилось въ глазахъ, о власти надъ собою не было и помину.

— Вы отдадите мнѣ письмо, Etienne? ласкающимъ голосомъ сказала она, протянувъ къ нему въ волненіи обѣ руки, какъ бы отдавая ему всю себя.

Не даромъ получалъ Бжозовскій свое воспитаніе въ Парижѣ, и притомъ еще въ эпоху второй имперіи. Опытный глазъ его не ошибался; онъ тотчасъ же увидѣлъ въ какомъ душевномъ состояніи находится дѣвушка; онъ понялъ что ей уже не справиться съ собою, что крѣпость готова сдать, что рѣшительная минута наступила.

— Я отдамъ все, все, моя милая, прелестная, не только письмо, но все чего бы вы ни потребовали!.. воскликнулъ онъ, и въ упоеніи бросился на колѣни предъ Еленой, обѣими руками обнявъ ее станъ и страстными глазами влился въ ее глаза.

На этотъ разъ она не оттолкнула его, какъ-то услужливо смотрѣли глаза ее, она явно не отдавала себѣ никакого отчета въ томъ что съ нею дѣлается. Въ какомъ-то туманѣ бродили ея несвязныя мысли. Охваченная сильными руками Бжозовскаго, она все ближе наклонялась къ его лицу. Тихимъ, невнятнымъ голосомъ шептала она: „Etienne, laissez moi. Oh! je vous supplie, laissez moi“!.. Необъяснимая для нея слабость охватывала ее, она начинала ощущать почти то же что привыкла чувствовать въ минуту усыпленія; глаза ее закрывались сами собою...

Подъ окнами внезапно раздался оглушающій, страшный свистъ, такой рѣзкій свистъ что стекла въ окнахъ задрожали.

Въ какомъ-то ужасѣ, вскрикнувъ отъ испуга, Елена сильно оттолкнула отъ себя Бжозовскаго и вскочила съ кресла. Ей почудилось что-то страшное, непонятное... Она совсѣмъ забыла что находится въ домикѣ у рельсовъ желѣзной дороги.

— Какой вы ребенокъ еще! произнесъ съ досадой Бжозовскій, поднимаясь на ноги.—Развѣ можно такъ пугаться простаго свистка?

Елена стояла молча, глаза ее бессмысленно блуждали, руки прижаты были ко лбу.

— Вы ужасно поблѣднѣли, услужливо глядя на дѣвушку выговорилъ Бжозовскій.—Вамъ дурно? Бога ради успокойтесь, садитесь сюда.

Онъ скорѣе принесъ чѣмъ подвелъ къ креслу, на которое и посадилъ. Руки ее опустились, голова опрокинулась назадъ, глаза закрылись.

— Nous y voilà, en sursore! бормоталъ онъ.—Pas de chance, ce matin.

Онъ выбѣжалъ изъ кабинета, нашель въ другой комнатѣ на столѣ стаканъ съ недопитымъ краснымъ виномъ и въ немъ принесъ съ крыльца сигару, только что вылавшаго и нагнавшаго вѣтромъ къ наружной двери.

Елену нашель онъ въ прежнемъ положеніи. Она впрочемъ тотчасъ очнулась, открыла глаза, выпрямилась на креслѣ, подвела обѣ руки къ головѣ...

— Еtienne, выговорила она тихимъ, слабымъ голосомъ, — вы испугались? мнѣ сдѣлалось душно...

— Я действительно испугался, отвѣчалъ Бжозовскій, пристально глядя на Елену. „Притворялась она или у нея была настоящій обморокъ?“ спрашивалъ онъ самъ себя въ недоумѣніи. „Кажется, притворялась.“

— Когда же передадите вы мнѣ письмо Нуралина, Etienne? Оно мнѣ нужно, нужно до зари.

— Послушайте, Héléne, вы хотите заставить меня совершить поступокъ... по меньшей мѣрѣ, очень щекотливый. Письмо которое вы желаете получить отъ меня, безъ сомнѣнія, будетъ показано Mlle Алаяровой, она со своей стороны покажетъ его Гибсону. Гибсонъ разумѣется дѣла этого такъ не оставитъ... произойдетъ что-нибудь серьезное. J'y joue ma peau, Mlle Héléne.

— Значитъ вы боитесь Гибсона? выговорила Елена.

— Я никого не боюсь, но рискуя жизнью хочу быть вознагражденнымъ.

— Чего же вы хотите?

— Приѣзжайте въ Царское Село, проведите тамъ со мною хотя полдня, я постараюсь принять васъ гдѣ-нибудь подальше отъ свистковъ желѣзной дороги, и тамъ вы получите отъ меня письмо Нуралина.

Елена задумалась.

— Въ свою очередь могу сказать вамъ что вы хотите заставить меня сдѣлать поступокъ въ высшей степени неосторожный. J'y joue mon honneur et ma réputation. Чтобы рѣшиться на такой шагъ, мнѣ надо быть увѣренною что онъ приведетъ къ желанной цѣли. Еслибы вы дали мнѣ какую-нибудь гарантію въ томъ что письмо это достаточно сильно и ясно и что оно будетъ мнѣ отдано, я бытъ-можетъ и рѣшилась бы исполнить ваше желаніе.

— Какого же рода гарантію хотите вы чтобъ я далъ вамъ? спросилъ Бжозовскій.

— Вы письма пока не отдавайте мнѣ, значитъ вы ничѣмъ не рискуете, вы его только прочтите и притомъ не мнѣ одной, а въ присутствіи другой особы чтобъ она знала его содержаніе, а потомъ... при той же особѣ вы мнѣ его передадите...

— Въ присутствіи Mlle Алаяровой? испуганно спросилъ Бжозовскій.

— О вѣтъ, въ присутствіи графини Александры Петровны Троицковской. Мы обѣ довольно знаемъ по-англійски чтобы понять письмо Нуралина. Если я найду что оно достаточно ясно и убѣдительно, я прѣйду за нимъ въ Царское.

Произнося послѣднія слова, Елена ласково протанула обѣ руки Бжозовскому чтобы не дать ему времени одуматься. Послѣ нѣсколькихъ ласкъ и нѣжныхъ словъ, полное соглашеніе состоялось. Бжозовскій обѣщалъ прочесть письмо Еленѣ въ присутствіи графини.

Возвращаясь домой уже одна, въ той же извожичьей каретѣ, Елена мысленно перебирала всю только-что пережитую сцену съ Бжозовскимъ. Насмѣшливо улыбаясь, она вспомнила съ самодовольствіемъ, какъ искусно заставила она его, не жертвуя со своей стороны ничѣмъ кромѣ ничтожныхъ ласкъ, согласиться на прочтеніе письма Нуралина. Не будетъ уже надобности вѣхать мнѣ за нимъ въ Царское, радовалась она.

Не такъ доволенъ остался Бжозовскій своимъ rendez-vous въ домикѣ на Царско-Сельской станціи. Ему было досадно что неопытная дѣвушка не только не поддалась его испытанному искусству въ волокитствѣ, а еще сумѣла увлечь его самого. Но согласіе ея прѣхать за письмомъ въ Царское до такой степени восплаляло его кровь и мутило голову что на всѣ вопросы возбуждаемые разсудкомъ страсть находила немедленно отвѣты.

Опасно! говорилъ разсудокъ, берегись — съ письмомъ, смотри, потащатъ тебя къ отвѣту.

Но письмо писалъ Нуралинъ, возражалъ себѣ Бжозовскій: кто же будетъ знать что я его сочинитель. Нуралинъ за него и отвѣчаетъ, я тутъ ни при чемъ. Нуралинъ на томъ свѣтѣ, взорванъ вмѣстѣ съ Алаяромъ на воздухъ, люди туда за справками.

Графиня, при которой будетъ прочтено письмо, передастъ содержаніе его Алаяровой Алаярова Гибсону, говоритъ докучливый разсудокъ, Гибсонъ потребуетъ письмо и спроситъ о причинѣ которая побудила прочесть его. Тогда что?

Быть этого не можетъ, отвѣчалъ себѣ Бжозовскій: теперь Гибсонъ въ такомъ положеніи что ему не до меня. Да и что жъ онъ можетъ сдѣлать, пока письмо еще не отдано? Придетъ ко мнѣ за справками и потребуетъ объясненія бабьихъ толковъ? На это разсудительный педантъ никогда

не рѣшится. А когда письмо будетъ отдано, можно ухватить въ дальнюю командировку. Его въ это время арестуютъ. Дѣло его плохо. Когда возвращусь изъ командировки, онъ ужъ исчезнетъ. *Bon voyage, mon ami!*

Не устоялъ Бжозовскій противъ страсти, сочинилъ требуемое письмо и прочелъ его Еленѣ, въ присутствіи графини Александры Петровны.

— Какъ жестоко ошиблась я въ этомъ человѣкѣ! говорила графиня Еленѣ, оставшейся у нея по уходѣ Бжозовскаго.— Я считала Гибсона холоднымъ эгоистомъ, а онъ вовсе какой! Какая сила любви, какое постоянство и какъ благородно поступилъ онъ съ дочерью Анумата!

— Вотъ видите ли, перебила Елена, кусая губы чтобы не расхохотаться, — графиня, я была права когда предупреждала васъ что нельзя судить по наружности и приписывать человѣку дурное по одѣмъ догадкамъ, вы не хотѣли вѣрить мнѣ. Теперь вы сами видите что всѣ ваши предположенія оказались невѣрными.

— Да, отвѣчала графиня, — я уже и прежде начинала убѣждаться въ справедливости вашихъ мыслей. Мнѣ много хорошаго говорилъ Michel Лобовъ о Гибсонѣ когда я передавалъ ему мое дурное о немъ мнѣніе. *Les beaux esprits se rencontrent.* Michel и вы всегда согласны въ мнѣніяхъ.

Елена улыбнулась.

— Теперь пускай думаютъ что хотятъ, сказала она себѣ, — дѣло устроено безъ ихъ помощи да еще какъ!

III.

Анкосовъ исполнилъ совѣтъ Елены Трофимовны. Три или четыре вечера въ недѣлю онъ проводилъ въ синей гостиной съ Эмилией Ивановной и Наташей. Черезъ него узнавала Наташа какъ идетъ слѣдственное дѣло, а потому принимала его радушно, ласково и нерѣдко выражала ему сердечную благодарность за его вниманіе и любезность. Изъ прежнихъ русскихъ знакомыхъ являлись только Рыбинъ и Елена. По утрамъ часто навѣщала Наташу графиня Alexandrine, да бывали еще съ визитами нѣкоторые Англичане. Анкосовъ непоколебимо вѣрилъ въ совершенную невинность Гибсона и считалъ невозможнымъ чтобы рѣно или лоздно истина не

обнаружилась. Слова Елены произвели на него сильное впечатлѣнiе; онъ рѣшился, согласно ея мнѣнiю, поставить въ этомъ случаѣ на карту свою будущность и вопреки мнѣнiю свѣта продолжалъ бывать у Гибсона.

Оставалась нерѣдко наединѣ съ Наташей, онъ старался изучать ее какъ можно ближе. Постепенно открывались предъ нимъ всѣ рѣдкiя качества ума и сердца этой дѣвушки, всѣ прекрасныя стороны ея характера и воспитанiя. Анкосовъ былъ слишкомъ уменъ чтобы не оцѣнить ихъ по достоинству, но ставилъ ихъ на второй планъ. Несравненно болѣе внутреннiхъ ея достоинствъ интересовало его разъясненiе той таинственности которая сопровождала ихъ первое знакомство; ему сильнѣе всего хотѣлось узнать кому понадобилось женить его на Наташѣ и какимъ путемъ могла она влѣсть на его карьеру. Но всѣ старанiя разъяснить загадку были напрасны. Зато обаятельная красота Наташи дѣйствовала на него неотразимо, и со всякимъ посвщенiемъ онъ все болѣе и болѣе влюблялся въ нее или думалъ что влюбляется.

Наташа охотно и радушно встрѣчала его потому что онъ приносилъ ей извѣстiя о ходѣ сѣдствениаго дѣла; она относилась къ нему съ поощряющею благодарностию за то что онъ не прерывалъ знакомства съ домою ихъ, какъ сдѣлали почти всѣ другiе, но Анкосовъ, со свойственною ему тупостию во всемъ что касалось живыхъ душевныхъ движенiй, не понималъ этихъ мотивовъ дружественнаго ея съ нимъ обращенiя, и въ немъ воскресли прежнiя надежды.

Также было и съ Гибсономъ. У него снова зашевелилась мысль что Анкосовъ можетъ нравиться Наташѣ, и это ревнивое подозрѣнiе еще болѣе утверждало строгаго къ себѣ пуританина въ рѣшимости держать себя какъ можно далѣе отъ Наташи чтобы не мѣшать ея счастью.

Онъ рѣдко выходилъ изъ кабинета, почти никогда не появлялся по вечерамъ въ синей гостиной, былъ однообразно серiозенъ и молчаливъ, но ровно и холодно со всѣми вѣжливъ. Чѣмъ печальнѣе были извѣстiя о ходѣ его дѣла, тѣмъ болѣе удалялся онъ отъ Наташи. Ни разу не былъ онъ у Морозовыхъ и ни разу не говорилъ съ Наташей наединѣ. Онъ явно избѣгалъ оставаться съ нею съ глазу на глазъ. Не могло укрыться отъ Наташи что такая рѣзкая перемѣна въ обращенiи была съ его стороны вынужденною, что она видимо тяготила его самого, что онъ заставлялъ себя быть

холоднымъ, и въ молодой дѣвушкѣ все сильнѣе укоренялась увѣренность что есть какая-то особая причина удерживающая его отъ сближенія съ нею. Она мысленно отыскивала эту причину, но не могла найти ее: перебирала всю жизнь свою и все что знала о жизни Гибсона, не находила ничего что могло бы стать непреодолимою между ними преградой.

Естественно приходила она къ убѣжденію что разрѣшенія этой мучительной для нея задачи надо искать въ прошломъ, именно въ томъ на что намекнула тетка Эмилія во время памятнаго для Наташи обѣда и о чемъ никогда ужь болѣе не хотѣла возобновлять разговора.

Не находя разрѣшенія мучившихъ ее сомнѣній, Наташа томилась и страдала. Въ послѣднее время она даже похудѣла, постоянно грустила, сдѣлалась раздражительною, нервною. Еслибъ ее поразило явное, опредѣленное горе, она конечно нашла бы въ себѣ достаточно силы и религіозности чтобы терпѣливо перенести его какъ неисполненное ей испытаніе; но вмѣсто явнаго несчастья ее преслѣдовала какая-то таинственная неизвѣстность, стоящая предъ нею какою-то неразрѣшимую, угрожающею задачей и портившая ей по неизвѣдомымъ для нея причинамъ то что было ей дороже всего на свѣтѣ. Она не находила средствъ бороться со скрытымъ, неизвѣстнымъ ей врагомъ, а потому оставалась въ нерѣшительности, раздражалась и мучилась невыразимо.

Въ такомъ душевномъ настроеніи, пылкій темпераментъ Индианки бралъ по временамъ верхъ надъ англійскимъ воспитаніемъ, и ей приходили въ голову планы и проекты, отъ которыхъ часъ спустя она уже отказывалась. Но стоило ей увидѣть Гибсона и всякая нерѣшительность, всякое колебаніе исчезали. „Онъ страдаетъ болѣе меня, думалось ей, но не терять ни бодрости, ни власти надъ собой“.

Какъ-то утромъ, въ половинѣ октября, сидѣла съ Наташей въ ея кабинетѣ графиня Александра Петровна. Наташа что-то вышивала, а графиня сидя у круглаго стола разрѣзывала костянымъ ножомъ листки только что полученныхъ журналовъ и газетъ. Онѣ говорили объ Анкосовѣ. Наташа хвалила его благородную рѣшимость посѣщать семейство опальнаго человѣка рискуя собственнымъ положеніемъ.

На вопросъ графини о послѣднихъ новостяхъ переданныхъ Анкосовымъ, Наташа разказала что изъ всего дѣла составлено какое-то резюме которое должно быть послано въ Ливадію.

— Слышно, говорилъ Наташа,—что оно очень строго относительно Василія Федоровича. Полагають необходимымъ отдать его подъ судъ. Но Анкосовъ, не знаю ужь почему, говорить что все это ничего не значитъ. Онъ какъ-то твердо увѣренъ въ благополучномъ окончаніи дѣла, и мнѣ такъ слышно хочется вѣрить этому что я вѣрю.

— А monsieur Гибсонъ вѣритъ Анкосову, или лучше сказать, его предчувствіямъ? спросила графиня.

— Этого я не знаю, отвѣтила Наташа.—На всѣ мои вопросы о ходѣ дѣла онъ отвѣчаетъ всякій разъ одно и то же. Онъ говоритъ: „Безъ воли Русскаго Монарха со мною ничего дурнаго сдѣлать не могутъ, я ожидаю терпѣливо его повелѣній и вполнѣ увѣренъ въ его справедливости.“ Мнѣ даже неизвѣстно, знаетъ ли Василій Федоровичъ все то что передаетъ мнѣ Анкосовъ. Они почти никогда не встрѣчаются. Анкосовъ бываетъ у насъ по вечерамъ, а Василій Федоровичъ по вечерамъ рѣдко выходитъ изъ кабинета.

— Значитъ Сергій Петровичъ проводитъ вечера только съ вами?

— Со мною и съ тетусшкой.

— Какъ, неужели и предъ Эмилией Ивановной, съ которою онъ знакомъ еще такъ мало, онъ рѣшается высказывать откровенно свои мысли, да притомъ о дѣлѣ секретномъ и такомъ важномъ? Какъ мало это на него похоже и какъ перемѣнилася онъ въ послѣднее время!

— О нѣтъ! отвѣчала Наташа.—Онъ все такой же осторожный. Всѣ новости о ходѣ сафдовскаго дѣла и всѣ предположенія свои о результатѣ его онъ передаетъ мнѣ не иначе какъ наединѣ когда тетусшки нѣтъ въ гостиной. Повидимому онъ боится говорить объ этомъ съ добрѣйшею Эмилией Ивановной.

— И monsieur Гибсонъ это знаетъ? спросила графиня съ отглаголомъ неудовольствія и огорченія.

— Конечно, Василій Федоровичъ знаетъ что Анкосовъ держитъ меня au courant всего что происходитъ новаго и важнаго по этому несчастному дѣлу. Я часто передаю ему эти новости.

— Не то я спрашиваю, Natalie. Меня, признаюсь, немного удивляетъ какъ можетъ monsieur Гибсонъ, вѣдь онъ для васъ все равно что отецъ, какъ можетъ онъ согласиться... какъ допускаетъ онъ чтобы вы, такая... молодая дѣвушка имѣли какія-то... секретныя совѣщанія съ молодымъ человѣкомъ.

Сильно конфузясь и наклонясь къ какому-то журналу съ картинками, графиня продолжала:

— Оставаясь съ вами такъ часто съ глазу на глазъ, онъ пожалуй заговоритъ совсѣмъ о другомъ.

— Такъ что же? Случается что говорить и о другомъ, отозвалась Наташа,—какая же тутъ бѣда?

Она подняла голову отъ работы, взглянула на графиню и тотчасъ же замѣтила ея сильное замѣшательство и какое-то особое оживленіе въ ея лицѣ.

— Говоря о всемъ другомъ, возразила графиня, подымая раскраснѣвшееся лицо отъ журнала и откидываясь на спинку кресла,—онъ можетъ сказать вамъ что-нибудь такое что молодой дѣвушкѣ слушать не приходится... что-нибудь такое... ну, словомъ... что-нибудь не хорошее.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ, милая Alexandrine, сказала Наташа.—О чемъ же можетъ говорить порядочный молодой человекъ какъ Анкосовъ, что слушать не хорошо?

— Все это такъ, отвѣтила графиня, еще сильнѣе конфузясь и теряясь,—но въ этомъ случаѣ, знаете Natalie, тутъ совсѣмъ особня обстоятельства. Вы вѣдь, не правда ли, не могли не замѣтить что Анкосовъ вами занятъ... очень занятъ. Вѣдь да? Съ того самаго обѣда, вы помните, у насъ въ Укромноѣ? онъ былъ пораженъ вашею красотой. Вотъ съ тѣхъ поръ это дается. Съ тѣхъ поръ онъ совсѣмъ перемѣнился. Вы не можете не видѣть что онъ увлеченъ вами. Его узнать нельзя. Въ такомъ положеніи, когда онъ по уши влюбленъ, не трудно что и объяснится. Но вѣроятно... да иначе и быть не можетъ... вѣроятно... это не произведетъ на васъ дурнаго впечатлѣнія...

Несвязная рѣчь, дрожащій голосъ и волненіе котораго скрыть молодая графиня не сумѣла, объяснили Наташѣ истинный смыслъ вопроса. Ей уже и прежде казалось что бѣдная Alexandrine равнодушна къ Анкосову, теперь она въ томъ увѣрилась. Ей стало жаль бѣдной дѣвушки. „Она ревнуетъ“, подумала Наташа, „но онъ ее не любитъ и меня онъ тоже не любитъ, хоть и намекаетъ иногда о любви своей; этотъ человекъ никого кромѣ самого себя не любитъ. Бѣдная Alexandrine!“ Наташа встала и улыбаясь подошла къ графинѣ. Та сидѣла въ креслѣ прижавшись къ мягкой спинкѣ его и закрывъ лицо листомъ англійской иллюстраціи.

Наташа сѣла съ боку ея, но спиною къ круглому столу, лицомъ къ лицу графини. Молча и продолжая улыбаться, она ласково и дружески взяла Alexandrine за обѣ руки и вмѣстѣ съ листомъ журнала олустила ихъ внизъ. Раскрасившіеся глаза дѣвушки были полны слезъ. Она смотрѣла на Наташу добрымъ, бархатнымъ взглядомъ. Въ чертахъ этого маленькаго личика можно было прочесть глубокую, серьезную печаль, но вмѣстѣ съ тѣмъ такое самоотверженіе, столько безнадёжности и докорности судьбѣ что Наташа тронута была до глубины души.

— Вы любите его, Alexandrine? выговорила она дрожащимъ отъ сочувствія голосомъ, сжимая въ своихъ рукахъ руки графини.

— Да, уже давно, прошептала графиня.

Она наклонилась къ плечу Наташи и продолжала говорить тихо, едва слышно:

— Но вы, Natalie, тоже любите его и вы сдѣлаете его счастливымъ.

Произнося эти слова она обняла шею Наташи и на ухо шептала ей со слезами въ голосъ:

— Я вѣдь не могу сдѣлать счастливымъ никого, я отверженная, противная, меня полюбить невозможно... Пусть онъ будетъ счастливъ вашею любовью.

— Полноте, милая, добрая Alexandrine, не люблю я Анковска, да и онъ не любитъ меня, будьте въ томъ увѣрены.

Быстро подняла графиня голову съ плеча Наташи и все еще обнимая обѣими руками ея шею, близко и глубоко всматривалась ей въ глаза, будто хотѣла прочесть въ нихъ подтвержденіе слышаннаго. Слезы текли еще по щекамъ ея, но всѣ черты лица отражали уже какое-то радостное чувство:

— Такъ это правда? начала говорить графиня:—какъ я малодушна, сама не знаю чему радуюсь! Какъ будто если онъ не любитъ васъ, то полюбить меня! Какою гаулою должна я казаться вамъ. Онъ любить красоту и женится только на красавицѣ, какъ вы, Natalie.

— Только ужъ не на мнѣ, весело отвѣчала Наташа.— Относительно меня вы можете быть совершенно покойны. Я буду съ вами такъ же откровенна какъ вы были со мною. Я выйду замужъ только за того кого люблю всѣмъ сердцемъ и всею душой и... выборъ мой уже сдѣлавъ. Или я останусь навсегда дѣвушкой, или я выйду за Василія Федоровича...

Словно пораженная электрическимъ токомъ, отшатнулась графиня отъ Наташи до спинки кресла на которомъ сидѣла, протянула къ ней обѣ руки и съ выраженіемъ испуга, даже ужаса въ глазахъ, почти вскрикнула:

— Вы, замужъ за Василіа Федоровича, за любовника вашей матери, можетъ-быть за отца вашего!

Не успѣла она выговорить послѣдняго слова какъ новый ужасъ объялъ всю ея душу. Она увидѣла предъ собою Наташу, блѣдную какъ мраморъ, недвижимую какъ статую. Страшно было смотрѣть на нее. Ни одинъ мускулъ лица Наташи не дрогнулъ; но она почувствовала какъ будто что-то обожгло сердце ея, точно змѣя ужалила. „А, вотъ оно... вотъ то, чего я понять не могла... Тутъ и конецъ моей жизни“ мелькнуло какъ молнія въ ея головѣ.

— Natalie, душечка, милая, дорогая моя!... говорила въ это время испуганная Alexandrine.

Наташа продолжала смотрѣть на нее недвижными, ничего не выражающими глазами. Alexandrine бросилась предъ нею на колѣни и взяла ее за обѣ руки, онѣ были холодны какъ ледь.

— Скажите жѣ мнѣ, скажите, милая, хоть что-нибудь, ну, скажите, что вы проклинаете меня... Natalie, ангелъ мой, что я сдѣлала? О, Боже мой! я убила ее... Natalie! почти вскрикивала графиня, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Не тревожьтесь, Alexandrine, сядьте, выговорила наконецъ Наташа, съ трудомъ преодолевая свое оцѣпенѣніе.— Вы видите, со мною ничего не дѣлается. Я совсѣмъ спокойна. Но вы скажите мнѣ все какъ есть. Я хочу знать истину. Я вѣдь ничего не знаю. Если вы любите меня хоть сколько-нибудь, скажите все; я хочу знать наконецъ правду.

Графиня сѣла на прежнее мѣсто и плакала, держа платокъ предъ глазами. Плачъ ея скоро перешелъ въ рыданія, и затѣмъ послѣдовалъ сильный истерическій припадокъ.

Болѣе получаса провозилась Наташа съ нею. Когда припадокъ окончился, графиня была такъ слаба, до того нездорова, что нечего было и думать о продолженіи начатаго разговора. Наташа сама отвезла ее домой, сама раздѣла, уложила на кушетку, дала ей лавровишневыхъ капель и послала за докторомъ Рыбинымъ, прося его пріѣхать немедленно по случаю нездоровья графини.

Въ ожиданіи его пріѣзда, чтобы развлечь Alexandrine, Наташа начала читать ей вслухъ. Не прошло и четверти часа, графиня впала въ забытѣе.

Наташа осталась возлѣ нея. Положивъ книгу на колѣни, она глубоко задумалась. Да и было о чемъ подумать ей.

Повѣрить безусловно, сразу, что Гибсонъ былъ любовникомъ ея матери, она не могла. Мысль эта была такъ неожиданна, такъ нова и до такой степени опрокидывала все ея убѣжденія, все ея мысли, сдѣлавшіяся уже привычными, что Наташа никакъ не могла, если можно такъ выразиться, уместить ее въ головѣ своей. На предположеніи что она можетъ быть дочерью Гибсона она и не останавливалась. Оно казалось ей до того невозможнымъ, до того дикимъ что самую мысль о немъ она тотчасъ же и рѣшительно откинула какъ явно нелѣбую. „Развѣ возможно“, думала она, „чтобы въ теченіе столькихъ лѣтъ ни разу не вырвалось у него ни однимъ намекомъ, ни однимъ невольнымъ сердечнымъ движеніемъ, выраженіе любви отца къ дочери? Вздоръ все это; замая слетни. Вѣдь не посоветились же говорить про меня, думала она, что я его любовница, почему же не сочинять и связи его съ моею матерью. Да и можно ли предполагать чтобъ онъ разчитывалъ жениться на мнѣ если мать моя была его любовницей? Ужь это совершенно на него не похоже и быть этого не можетъ. Но съ другой стороны... развѣ я могу знать навѣрно: думалъ ли онъ когда-нибудь жениться на мнѣ? Что я ему нравлюсь, въ этомъ кажется сомнѣваться нельзя, но чтобъ онъ намѣренъ былъ сдѣлаться моимъ мужемъ, этого никогда не выразилъ онъ ни однимъ словомъ. Это я вообразила себѣ, потому что *мнѣ* этого хочется, потому что *я* люблю его. Не его вина что я сумашествую. Онъ, напротивъ, всегда какъ будто пугался объясненія со мною, а въ послѣднее время даже явно отдалялся отъ меня. Значить то что такъ неожиданно вырвалось у Alexandrine, можетъ-быть и правда. Но если это правда, страшно подумать....

Не отдавая себѣ отчета въ томъ что дѣлаетъ, Наташа. прошла въ уголъ комнаты гдѣ стоялъ кивотъ съ образами и опустилась на колѣни предъ иконами.

Разбуженная ея шагами, графиня, лежа на кушеткѣ, смотрѣла на молящуюся дѣвушку, и слезы умиленія невольно показались на глазахъ ея.

Когда Наташа подошла къ графинѣ послѣ молитвы, спокойная и твердая, объ дѣвухи настолько уже владѣли собою что могли продолжать прерванный разговоръ.

Alexandrine передала ей во всей подробности все что узнала отъ Бжозовскаго. Наташа слушала ее молча.

Въ концѣ разказа явилась горничная съ докладомъ что Трофима Григорьевича не нашли дома, но что Елена Трофимовна, узнавъ о болѣзни графини, изволила очень обезпокоиться и сама придутъ сейчасъ же.

Дѣйствительно чрезъ нѣсколько минутъ вошла Елена. По видимому присутствіе Наташи очень ее удивило и озадачило.

Разспросы о здоровьѣ Alexandrine помогли Еленѣ скрыть въ первыя минуты смущеніе, которое впрочемъ она быстро поборола въ себѣ. Узнавъ отъ графини что съ нею сдѣлалось дурно еще въ кабинетѣ Наташи, Елена догадалась въ чемъ было дѣло и рѣшилась сама начать разговоръ который для нея былъ также щекотливъ какъ и для Наташи. Она чувствовала что ни графиня, ни Наташа не начнутъ этого разговора и что молчаніе ихъ поставитъ ее, Елену, въ самое неловкое положеніе. Но чтобы начать разговоръ надо было знать какъ приняла Наташа сообщенное ей графиней свѣдѣніе. Разъясненіе этого вопроса она думала прочесть на лицѣ дѣвухи, а потому разспрашивая графиню о ея здоровьѣ, наблюдала украдкой за Наташей.

Наташа показалась ей грустною но спокойною.

„Еслибъ она любила Гибсона, говорила сама себѣ Елена,—еслибъ она собиралась за него замужъ, не была бы она такъ спокойна. Отецъ мой правъ: въ ея глазахъ Гибсонъ не мущина, для нея онъ только отецъ и воспитатель.“

Не знала Елена что есть на свѣтѣ души покорныя волѣ Божіей и твердыя въ вѣрѣ, которыя принимаютъ горе какъ испытанія свыше испосланныхъ.

— Я дѣйствительно очень огорчена, просто отвѣтила Наташа на вопросъ Елены,—меня сильно поразило то что я узнала сегодня... о моей матери, но объ этомъ я искренно прошу тебя не говорить мнѣ больше никогда ни слова. Впрочемъ, я уже встревожена не съ сегодняшняго утра. Еще вчера вечеромъ дошли до меня самыя нехорошія вѣсти о результатѣ свѣдѣтельнаго дѣла надъ бѣднымъ Василиемъ Федоровичемъ.

— Что такое? О результатѣ? Такъ нечего тебѣ тревожиться. Еще не можетъ быть никакого результата.

— Однакожь вчера вечеромъ Анкосовъ передалъ мнѣ всѣ подробности, подтвердила Наташа.

Она разказала все что слышала отъ Анкосова.

— Не можетъ этого быть!.. возразила совсѣмъ растерявшаяся Елена. Лицо ея отразило такой неподдѣльный испугъ и такое изумленіе что Наташа тоже испугалась.

— Слѣдствіе еще не окончено, продолжала Елена,—и продлится еще по крайней мѣрѣ двѣ недѣли, а слѣжу чрезъ вѣрныхъ людей за ходомъ дѣла шагъ за шагомъ.

— Однакоже Анкосовъ увѣряетъ что уже составилъ изъ него что-то такое что должно быть послано въ Ливадію.

— Докладъ съ выпиской изъ дѣла? спросила Елена.

— Да, что-то въ этомъ родѣ.

— И онъ говорилъ что испрашивается Высочайшее соизволеніе на преданіе его суду? продолжала тревожно разспрашивать Елена.

— Такихъ официальныхъ выраженій онъ, сколько помню, не приводилъ, отвѣтила Наташа,—но сказалъ что бумага написана не въ пользу Уыльямъ и что предполагается отдать его подъ судъ.

— Это одно и то же, нетерпѣливо возразила Елена.—А онъ не говорилъ, всѣ ли члены подписали выписку или кто-нибудь остался при особомъ мнѣніи?

— Объ этомъ онъ не говорилъ.

— Когда же думаютъ послать выписку въ Ливадію?

— Анкосовъ не зналъ объ этомъ, но обѣщалъ сообщить какъ только узнаетъ навѣрно.

Елена не могла скрыть своей тревоги. Съ немалымъ удивленіемъ слѣдила за нею обѣ ея собесѣдницы.

— Тебя кажется очень тревожатъ новости Анкосова? сказала Наташа.—Ты должно-быть не раздѣляешь его увѣренности въ благополучномъ окончаніи дѣла или можетъ-быть ты знаешь что-нибудь еще хуже того что разказалъ Анкосовъ?

— Ничего другаго ни худшаго, ни лучшаго я не знаю, отвѣтила Елена,—я даже не знала того что ты мнѣ теперь разказала и чему я впрочемъ не совсѣмъ-то вѣрю. Что же касается благополучнаго окончанія дѣла, ты можешь быть совершенно покойна. Надо только не пропустить времени. Надо бы мнѣ скорѣе узнать правду ли сказалъ Анкосовъ.

Послѣднія слова Елена произнесла въ глубокомъ раздумьи, опершись локтями на маленькій столикъ у кушетки и прижавъ ладони ко лбу. Она словно забыла что не одна въ комнатѣ. Щеки ея пылали, глаза горѣли какимъ-то внутреннимъ огнемъ, какою-то страшною рѣшимостью. Съ изумленіемъ смотрѣла на нее обѣ дѣвушки, и наступившее молчаніе вывело Елену изъ задумчивости. Она подвела голову и тотчасъ прочла въ глазахъ на нее устремленныхъ крайнее удивленіе.

„Ага! Замѣтили! поняли!“ подумала она. „Ну и прекрасно. Теперь ужъ можно дѣйствовать открыто. Первый актъ драмы оконченъ. Благодаря Бжозовскому поле очищено. Пора приступить ко второму акту.“

— Нечего терять времени, произнесла она торопливымъ но твердымъ голосомъ, какъ будто командовала. — Если хотимъ сласти Гибсона, надо сейчасъ же дѣйствовать. Я на все рѣшилась. Не можете ли вы, графиня, добыть чрезъ кого-нибудь сегодня же точныхъ, вѣрныхъ свѣдѣній о положеніи дѣла?

— Вы, *Hélène*, отвѣтила графиня, — говорите такимъ тономъ какъ будто вамъ стоить сказать два слова — и черное сдѣлается бѣлымъ.

— Какъ ни странно, а это такъ, отвѣтила Елена гордо улыбаясь. Она встала со стула, выпрямила станъ и продолжала съ тѣмъ же горделивымъ видомъ какъ бы поучая своихъ слушательницъ:

— Видите ли, графиня, когда чего-нибудь желаешь всѣми силами души, почти всегда добудешь. Я искала, неутомимо искала и нашла. Хотя и съ большимъ трудомъ, но я добыла оружіе которымъ можно обратить въ прахъ всѣ козни. Я многимъ рискую, много ставаю на карту, многимъ пожертвую, но я сдѣлаю то чего никто другой сдѣлать не въ состояніи.

Сказавъ это, она торопливо начала надѣвать шалью стоя предъ зеркаломъ.

При послѣднихъ ея словахъ въ комнату вошла горничная съ докладомъ что графъ Павелъ Павловичъ Трояновскій проситъ позволенія войти къ графинѣ.

— Проси, отвѣтила *Alexandrine* не вставая съ кушетки, и обратясь къ Еленѣ сказала: — вотъ его можно спросить, можетъ-быть онъ знаетъ что-нибудь вѣрное.

Кивнувъ головой въ знакъ согласія, Елена сѣла на прежнее мѣсто, не снимая шальи.

— И вы, Natalie, подождите немного, продолжала Alexandrine, замѣтивъ что Наташа тоже вставала собиралась уѣхать, — дядя расскажетъ намъ что знаетъ; вамъ будетъ интересно слышать о томъ что говорятъ въ обществѣ о дѣлѣ г. Гибсона.

Озабоченный и невеселый вошелъ графъ Павелъ Павловичъ въ спальню своей племянницы. Окнувъ взоромъ комнату, онъ при видѣ Наташи нѣсколько смутился. Со дня бала у Марьи Федотовны, то-есть съ той минуты какъ въ обществѣ заговорили о политической неблагонадежности Гибсона, онъ ни разу не посѣтилъ Англичанина. Но смущеніе графа длилось недолго, онъ тотчасъ же преодолѣлъ его и съ изысканною вѣжливостью началъ здороваться съ тремя дѣвushками.

Тотчасъ начался разговоръ о нездоровьѣ графини, потомъ бранили невыносимый климатъ Петербурга и отъ него перешли къ послѣднимъ столичнымъ новостямъ. Ни Наташа, ни Елена не принимали въ разговорѣ никакого участія. Съ минуты появленія Павла Павловича Елена не переставала обнаруживать признаки крайняго нетерпѣнія. Ее видимо что-то мучило, досадовало. Она не оставалась ни одной минуты въ покоѣ и была вообще въ такой нравственной тревогѣ, въ такомъ безлокойствѣ въ какомъ никто изъ присутствующихъ никогда еще не видалъ ея.

Свѣтская бессодержательная болтовня, которою занимались графъ и его племянница, очевидно раздражала ея нервы.

Наконецъ, потерявъ терпѣніе и не обращая вниманія на совершаемую ею неучтивость, она, не давъ графу окончить начатой фразы, прервала разговоръ.

— Я, графъ, ожидала васъ напрасно три дня, вы не держите вашего слова.

— Нѣтъ-съ, извините, я былъ у васъ сегодня, я сейчасъ изъ вашей передней. Не засталъ никого дома, узналъ что Alexandrine нездорова, что вы здѣсь *et me voilà*.

— Ну и что же?

— Какъ что же? *Me voilà*. Вы не имѣете права упрекать меня что я не держу слова.

— Значить узнали все и вѣрно? говорите же скорѣе.

— Да, конечно, но позвольте, Елена Трофимовна, я не ожидалъ найти съ вами Наталью Васильевну и не знаю угодно ли ей будетъ....

— Угодно, ей угодно, съ крайнимъ нетерпѣніемъ перебила его Елена, не давъ Наташи времени отвѣтить графу.— Пожалуйста, бросьте вы хоть на часъ всѣ эти китайскія церемоніи. Посмотрите есколько времени ужъ пролало въ пустыхъ разговорахъ. А время теперь дорого, каждая минута дорога.

Графъ подтверждалъ все разказанное Анкосовымъ, но добавлялъ еще что читалъ самъ выписку изъ свѣдѣтельнаго дѣла и что общій характеръ ея все-таки оставляетъ возможность сомнѣваться въ виновности Гибсона. Докладъ долженъ былъ везти въ Ливадію шефъ жандармовъ, отправляющійся въ Крымъ чрезъ два дня.

— Разкажите, графъ, прошу васъ, подробно содержаніе выписки и доклада, мнѣ необходимо знать подробности, настаивала Елена.— Въ чемъ именно состоитъ обвиненіе?

— Гибсона обвиняють, началъ говорить графъ слогомъ официального доклада,—въ передачѣ социалистамъ плана Дворца, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявляютъ что имѣется много данныхъ заставляющихъ предполагать что планъ этотъ былъ похищенъ однимъ уже давно извѣстнымъ полиціи воспитанникомъ Технологическаго института, переодѣтымъ въ костюмъ слесаря.

— Онъ пойманъ и допрошенъ? поинтересовалась Наташа.

— До сихъ поръ не удалось найти его, отвѣчалъ графъ,—онъ скрылся. Также осталось неизвѣстнымъ кѣмъ былъ подосланъ воръ. Затѣмъ лишутъ что лильный заводъ Гибсона былъ притономъ социалистовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ добавляють что всѣ мастерские у которыхъ найдены возмутительныя брошюры и подпольныя изданія были завербованы въ боевую дружину уже послѣ поступленія ихъ на заводъ докторомъ Сомовымъ, отъ котораго получали и запрещенныя листки. Выходитъ что вся вина Гибсона въ этомъ отношеніи заключается въ принятіи на заводъ Сомова, а не въ завѣдомомъ учрежденіи на заводѣ притона социалистовъ. Еслибы можно было доказать что Гибсонъ принимая Сомова не зналъ что принимаетъ социалиста, то этотъ грозный обвинительный пунктъ падалъ бы самъ собою. Комmissія долго добивалась кѣмъ былъ рекомендованъ Сомовъ Гибсону.

— И конечно не добилась; Василій Федоровичъ слиткомъ благороденъ чтобы вмѣшаться въ дѣло другихъ, замѣтила Елена.

— Нѣтъ, commissія ничего не добилась, продолжалъ графъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянувъ на Елену.— Вопросъ

этотъ такъ и остался неразрѣшеннымъ. Наконецъ на Гибсона падаетъ подозрѣнiе въ сношенiяхъ съ социалистами, вслѣдствiе полученiя имъ анонимаго письма предупреждающаго о предстоящемъ обыскѣ. Ну, въ этомъ случаѣ сказать что-нибудь положительное въ его оправданiе можетъ развѣ только тотъ кто писалъ анонимное письмо. Были подняты еще нелѣпыя вопросы о конспиративной квартирѣ устроенной мистеромъ Гибсономъ въ Девятой линiи Васильевскаго Острова, но все это опровергнуто и найдено не заслуживающимъ никакого вниманiя. Вотъ и все дѣло. Если бы можно было узнать кто подослалъ вора, кто рекомендовалъ Сомова и кто писалъ анонимное письмо, то всѣ обвиненiя разлетѣлись бы въ прахъ.

— И разлетается! вскрикнула въ какомъ-то экстазѣ Елена, вскакивая съ мѣста.

Она обвела всѣхъ гордымъ взглядомъ и твердымъ голосомъ произнесла:

— Я знаю кто подослалъ вора, знаю кто рекомендовалъ доктора и знаю кто писалъ анонимное письмо. Я поѣду прямо отсюда къ шефу жандармовъ и заявлю.

И она выбѣжала изъ комнаты, оставивъ всѣхъ въ оцѣпенѣнiи отъ неожиданности и изумленiя.

Поздно вечеромъ того же дня и въ теченiе ночи были арестованы Понимаревъ и Марья Воздвиженская. Въ ихъ квартирѣ, въ Поварскомъ переулкѣ, найдена была тайная типографiя, масса уже напечатанныхъ листовъ подпольной литературы и счета по капиталамъ Общества нахожденiя работы сырымъ и бѣднымъ мастеровымъ и работникамъ.

Въ тотъ же вечеръ являлась полицiя и въ квартиру Михаила Лобова. Ее нашаи пустою. Лобовъ скрылся неизвестно куда. Не подлежало сомнѣнiю что онъ былъ предупрежденъ своевременно объ ожидавшемъ его арестѣ, такъ какъ въ квартирѣ его не найдено было ничего предосудительнаго. Печь его славны была полна дѣломъ сожженной бумаги, а вещи были въ безпорядкѣ свидѣтельствовавшимъ о послѣднемъ бѣгствѣ. Во всей квартирѣ не нашли ни одного портрета, ни одной фотографической карточки, ни одного письма.

На другой день сдѣлавъ былъ обыскъ въ конторѣ Общества по леченiю о сырыхъ и бѣдныхъ мастеровыхъ и въ

квартиръ гослужи Бирюзовой. Всѣ счета, письма и бумаги какъ ея, такъ и дочери ея были опечатаны, и съ обѣихъ взята была подписка о невыѣздѣ ихъ изъ Петербурга.

Для два спустя полковникъ д'Обиньи де Сенъ-Меранъ, въ сопровожденіи какого-то гражданскаго чиновника, посѣтилъ стараго графа Петра Павловича Трояновскаго. Что произошло между ними въ кабинетѣ, осталось неизвѣстнымъ; но швейцаръ Помпей Аполлосычъ разказывалъ потомъ всѣмъ съ особенною таинственностію и подъ большимъ секретомъ что жандармскій полковникъ вынесъ изъ кабинета кипу разныхъ бумагъ, и когда онъ, Помпей, накидывалъ на него шинель, то полковникъ что-то ужъ очень хитро ухмылялся и все что-то говорилъ „по-французскому“ съ другимъ статскимъ гослодиномъ.

По уходѣ полковника графъ оставался часа два какъ каменный, сидя въ вольтеровскомъ креслѣ, съ выпученными глазами и съ поднятыми до самаго верха лба бровями. Испуганный камердинеръ любѣжалъ къ графинѣ Александрѣ Петровнѣ, а та сейчасъ же послала за докторомъ Рыбинымъ. Провозились около графа цѣлую ночь и не могли привести его въ сознание. На другой день былъ консилиумъ извѣстныхъ психіатровъ, и съ тѣхъ поръ графа не видалъ уже никто изъ знакомыхъ и прислуги. Около больнаго находилась постоянно дочь его и молодая врачъ, ассистентъ знаменитаго въ Петербургѣ психіатра. Трофимъ Григорьевичъ Рыбинъ навѣщалъ больнаго по три раза въ день; на четвертый день онъ созвалъ опять консилиумъ, послѣ котораго объявилъ Александрѣ Петровнѣ что у графа психическое расстройство, которое врачи признаютъ излѣчимымъ, но съ условіемъ немедленнаго отправленія его въ Швейцарію, въ заведеніе для душевно-больныхъ. Было рѣшено что ѣхать графу безъ врача совершенно невозможно. Трофимъ Григорьевичъ, по просьбѣ Александры Петровны, согласился сопровождать больнаго и сдать его въ лѣчебницу.

Alexandrine хотѣла непременно ѣхать съ отцомъ и Рыбинымъ, но должна была отказаться отъ этого намѣренія. Ее не пустили врачи, увѣрявшіе что присутствіе ея будетъ скорѣе вредно чѣмъ полезно ея больному отцу; кромѣ того, вся родня настояла на совершенной необходимости для здоровья ея, сильно потрясеннаго, не выѣзжать всю зиму изъ Петербурга. Весной она должна была отправиться въ

Швейцарію, гдѣ и хотѣла окончателно поселиться чтобы быть ближе къ несчастному отцу.

На время отлучки Трофима Григорьевича изъ Петербурга Елена должна была перейти жить къ графинѣ Alexandrine.

Все досужее петербургское общество въ теченіе двухъ или трехъ дней изощрялось въ изобрѣтеніи различныхъ варіацій на тему о полицейскихъ обыскахъ у Бирюзовой и у графа Петра; на четвертый день съ такимъ же интересомъ заговорили о дебютѣ новой пѣвицы въ Итальянской Оперѣ, потомъ занялись новымъ назначеніемъ одного изъ видныхъ людей козырной масти и наконецъ забыли совсѣмъ о графѣ Трояновскомъ, такъ что никто и не замѣтилъ какъ онъ исчезъ изъ Петербурга.

Нечего и говорить о томъ что никто и не помышлялъ объ исчезновеніи такихъ темныхъ личностей какъ Лобовъ, Пономаревъ, Воздвиженская и другіе.

Не забыли ихъ только социаллисты—ни ихъ, ни Елену Рыбину.

III

Душевная истома, похожая на апатію, которая овладѣла Наташей когда она узнала объ отношеніяхъ будто бы существовавшихъ между Гибсономъ и ея матерью, не могла долго длиться. Наташа инстинктивно не признавала безвыходныхъ положеній, и если владела въ безнадежность то лишь на нѣсколько мгновеній. Обращеніе къ вѣчному источнику утѣшенія возвращало ей сейчасъ же бодрость и силу духа. Подкрѣпленная молитвой, она пріобрѣтала способность умственно выйти изъ самой себя, изъ-подъ власти своихъ страстей и слабостей, поставить, если можно такъ выразиться, себя на экзаменъ предъ своими же глазами и анализовать свое положеніе только разсудкомъ и совѣстью.

Такъ поступила она и теперь. Обсуждая положеніе свое какъ бы посторонняго человѣка, она дошла до убѣжденія что разлюбить Гибсона и привязаться къ другому она не можетъ. Гибсонъ былъ связанъ съ нею цѣлою жизнью, привычка любить его росла вмѣстѣ съ нею. Когда именно началась эта любовь, какъ укрѣплялась она, какъ постепенно овладѣвала всѣми ея помышленіями, всѣми ощущеніями сердца,

Наташа не знала. Любовь эта сдѣлалась неотъемлемою принадлежностью ея природы. Не во власти Наташи было перестать любить его, такъ же какъ умъ ея не могъ перестать мыслить.

Съ другой стороны, не могла она сомнѣваться и въ томъ что Гибсонъ привязанъ къ ней не спокойною привязанностью отца и воспитателя, а тою страшною любовью которая возбуждаетъ въ мушкетѣ непреодолимое стремленіе связать съ любимою женщиной судьбу свою и составить съ нею одну общую обобщенную жизнь; тою бурною, жгучею любовью исполненною ревности, при которой мысль о возможности отдать любимую женщину другому и подозрѣніе что она полюбила другаго, причиняють невыносимыя муки.

При такихъ условіяхъ, думала Наташа, нельзя продолжать жить вмѣстѣ какъ мы жили до сихъ поръ. Пока все это не было мнѣ извѣстно, пока я не понимала ни себя, ни его, можно было оставаться вдвоемъ, но теперь... Какими глазами буду я смотрѣть на любовника моей матери котораго я сама люблю и который влюбленъ въ меня? Ни за что на свѣтѣ не останусь съ нимъ. Я пробуду здѣсь пока продлится его дѣло, а потомъ.... Никогда не рѣшусь я ко всѣмъ его страданіямъ прибавить еще мученія ревности; если я не могу быть его женой, я не буду ничьею. Если не будетъ у меня своей семьи, которой я могла бы посвятить всѣ минуты моей жизни, всѣ мои мысли и всю любовь къ какой я только способна, я все-таки останусь членомъ всей человѣческой семьи. Ей, этой обширной семьѣ могу я служить, принося пользу, моими трудами; я могу, благодаря образованію, работать на разныхъ общественныхъ поприщахъ; выберу изъ нихъ то которое ближе подходитъ къ моимъ средствамъ и соответствовать болѣе моимъ желаніямъ.

Около двухъ недѣль спустя послѣ сцены въ спальнѣ графини Alexandrine, въ одинъ изъ первыхъ зимнихъ и ясныхъ дней ноября, вся семья Гибсона сидѣла за завтракомъ въ верхней чайной комнатѣ, сосѣдней съ кабинетомъ Наташи.

Не было никого изъ постороннихъ. Наташа только что возвратилась отъ Морозовыхъ и разказывала Гибсону, и теткѣ о видимыхъ успѣхахъ дѣтей.

Посреди ея разказа, совершенно неожиданно для всѣхъ, показался Анкосовъ въ дверяхъ ведущихъ въ синюю гостиную.

— Извините, безъ доклада, не могъ утерпѣть чтобы не сообщить вамъ радостной новости, говорилъ онъ торопливо съ

сіюющимъ отъ удовольствія лицомъ.—Василій Федоровичъ, поздравляю васъ, ото всей души поздравляю. Дѣло ваше окончено самымъ благополучнымъ образомъ. Государь повелѣлъ прекратить его относительно васъ и говорить собственноручно изволилъ написать на докладѣ милостивую резолюцію.

Всѣ невольно вскочила съ мѣстъ. Наташа перекрестилась. Гибсонъ пожималъ руку Анкосова, здороваясь съ нимъ, а тетка Эмилиа, обнявъ его шею, поцѣловала въ обѣ щеки.

— Выходите, продолжалъ Анкосовъ торжественнымъ тономъ,—что всѣ эти почтенные господа, не являшіеся къ вамъ цѣлые два мѣсяца, ошиблись въ своихъ расчетахъ.

Онъ подошелъ къ стоявшей предъ своимъ стуломъ Наташѣ и глядя на нее восторженными глазами произнесъ:

— Наталья Васильевна, милая Наталья Васильевна, какъ я счастливъ что не ошибся! Какъ мнѣ пріятно что я васъ не обманывалъ!

Наташа молча, но съ непритворнымъ чувствомъ подала ему руку, которую онъ прижалъ къ губамъ своимъ.

— Вы были правы, Василій Федоровичъ, разчитывая на справедливость Государя, сказала она обращаясь къ Гибсону.—Въ этомъ случаѣ надо поздравлять, еще болѣе чѣмъ васъ, нашего славнаго, справедливаго Государя, который, послѣ двадцати пяти лѣтъ труднаго царствования и послѣ столькихъ примѣровъ неблагодарности къ Нему, сумѣлъ остаться не только человѣкомъ, но добрымъ человѣкомъ.

— О, да! произнесъ Гибсонъ.—Императоръ справедливъ, великодушенъ и милостивъ. Въ этомъ я не сомнѣвался никогда ни одной минуты.

Всѣ усѣлись вокругъ стола; Анкосовъ и Эмилиа Ивановна болтали съ радости безъ умолку. Анкосовъ передалъ между прочимъ что Бирюзовой и ея дочери данъ совѣтъ вѣхать лѣвиться за границу, что графъ Петръ Павловичъ уволенъ по болѣзни отъ придворной должности, и что Общество пооченія о сырыхъ и бѣдныхъ мастеровыхъ закрыто.

Завтракъ подходилъ къ концу когда Егоръ явился съ докладомъ что графъ Павелъ Павловичъ Трояновскій и секретарь англійскаго посольства желаютъ видѣть Василія Федоровича.

Гибсонъ пошелъ на встрѣчу гостямъ.

Графъ Павелъ Павловичъ бросился обнимать его и разсыпался въ изъявленіяхъ дружеской радости. О томъ что почти два мѣсяца, два самые тяжкіе мѣсяца для Гибсона, онъ не

почтилъ его на одномъ посѣщеніи не было и рѣчи. Его сіятельство, въ качествѣ цсгаго Петербуржца, имѣлъ талантъ не выдавшись съ человѣкомъ даже нѣсколько лѣтъ встрѣтить его какъ будто видѣлся съ нимъ вчера.

Секретарь посольства передалъ Гибсону письмо посла съ извѣщеніемъ о Высочайшей резолюціи и совершилъ эту передачу съ такимъ видомъ какъ будто письмо было какое-нибудь пустое приглашеніе на вечеръ или счетъ изъ лавочки. Не могло же дѣло ваше кончиться иначе, говорила та ужимка съ которою письмо было передаво. Ничего важнаго тутъ вѣдь не было.

То же впечатлѣніе производило обращеніе Гибсона съ гостями и его толь.

Невозможно было показать учтивѣе и яснѣе что онъ отнюдь не удивляется ни тому что Павелъ Павловичъ боялся навѣщать его въ теченіе послѣдняго времени, ни тому что онъ съ такою любезностью явился сегодня. Нельзя было выразить болѣе вѣжливо какъ мало огорчился онъ его забывчивостью и какъ мало дорожилъ теперь его дружескими изліяніями. Съ такимъ же точно учтивымъ равнодушіемъ обращался Гибсонъ и къ Анкосову, въ дружеское расположеніе котораго никогда не вѣрнулъ; но иначе принялъ явившагося тоже съ официальнымъ извѣщеніемъ объ окончаніи дѣла участковаго надзирателя Якунчикова.

Гибсонъ пошелъ ему на встрѣчу въ ближайшую отъ гостиной небольшую залу, крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ:

— Вы, полковникъ, одинъ изъ всѣхъ заступались за меня во время обыска и потому въ продолженіе всего саѣдствія. Тогда я не имѣлъ ни права, ни возможности выразить вамъ мое мнѣніе о васъ, за то тѣмъ съ болѣшимъ удовольствіемъ дѣлаю это теперь.

Якунчиковъ не сказалъ ни слова, но пожалъ плечами, какъ бы отвѣчая: охота вамъ терять слова по пустому.

Подходя къ гостиной, почти у дверей ея, Якунчиковъ вдругъ остановился и совершенно неожиданно для Гибсона заговорилъ не будучи спрошенъ, чего никогда съ нимъ не случалось иначе какъ по дѣламъ службы.

— Вашъ воръ, сказалъ онъ,—какъ я и думалъ, технологъ по прозвищу *Долото*; настоящее же его имя Іосифъ Савельевъ. Вы о немъ не слышали?

— Нѣтъ, никогда не слышалъ ни объ Іосифѣ Савельевѣ, ни о технологѣ который называется Долото, отвѣтилъ Гибсонъ.

— Вы вѣдь хорошо знакомы съ графомъ Петромъ Павловичемъ Трояновскимъ? спросилъ участковый.

— Съ нимъ мало, но ближе знаю дочь его, графиню Александру Петровну.

— Не удивляйтесь что спрашиваю, продолжалъ Якуничковъ.—Иосифъ Савельевъ рекомендовалъ начальству института графомъ Петромъ Трояновскимъ. Самъ читалъ письмо его.

— Что жь, онъ арестованъ? спросилъ Гибсонъ.

— Нѣтъ, упустили; предосадно. Чуть не накрылъ его въ одеждѣ комиссіонера. Удизнулъ каналья. Увертавая шельма.

Съ этими словами оба вошли въ гостиную.

Недолго просидѣлъ участковый съ дамами, хотя Эмилія Ивановна и приняла его особенно ласково. Уже съ давнихъ поръ онъ былъ ея фаворитомъ. Бренча саблей и шпорами, но молча, онъ раскапывался и вышелъ вмѣстѣ съ секретаремъ посольства.

Сидя на диванѣ, окруженная гостями, почтенная Эмилія Ивановна чувствовала себя вполнѣ счастливою. Послѣ двухмѣсячнаго затворничества и удивленія, послѣ такихъ чувствительныхъ ударовъ ея самолюбію, какіе испытала она, сивая гостинная опять полна народомъ, всѣ ей улыбаются, льстятъ. Не можетъ она только понять, отчего ни Ульямъ, ни Наташа не радуются какъ она, отчего оба не веселятся, не торжествуютъ побѣды.

За то Елена Рыбина, прибывшая въ это время съ графиней Александрой Петровной, была живымъ олицетвореніемъ торжества. Пришло наконецъ время собирать плоды со всего что было посѣяно ея интригами. Гибсонъ свободенъ; Анкосовъ поставленъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ въ глазахъ Наташи и влюбленъ въ нее по уши; репутація Наташи потрясена настолько что выйти замужъ и притомъ какъ можно скорѣе, есть лучший и чуть ли не единственный выходъ изъ ея труднаго положенія; всякая надежда выйти замужъ за Гибсона для Наташи потеряна, ей остается одно: согласиться на бракъ съ Анкосовымъ. Наконецъ она сама, Елена, поставлена относительно Гибсона въ возможно выгодное положеніе: изъ любви къ нему и чтобы спасти его она совершила такой поступокъ на который можетъ рѣшиться тольکو женщина энергическая и любящая до полнѣйшаго самоотверженія. Онъ долженъ быть ей благодаренъ безгранично, а когда

чувство благодарности питають къ дѣвушкамъ которая, по его же словамъ, можетъ составить счастье самаго безукоризненнаго джентльмена, оно обыкновенно граничитъ тѣсно съ чувствомъ боаѣе пыаимъ. Но на этотъ разъ, благодаря многолюдству приходилось отказаться отъ цѣлительнаго разговора. Впрочемъ, Елена уже обезпечила себѣ поле сраженія. По ея настоянію, графиня Александра Петровна должна была пригласить семейство Гибсона на завтракъ, и все зависѣло теперь отъ того будетъ ли это приглашеніе принято. Тамъ, въ домѣ Трояновскихъ, гдѣ Еленѣ былъ извѣстенъ каждый уголокъ, она удобно могла устроить себѣ съ Гибсономъ желаемое a parte, отъ котораго такъ много теперь ждала. И когда графиня Александра Петровна, прощаясь съ Гибсономъ, пригласила его со всѣмъ семействомъ и приглашеніе было принято, лицо Елены освѣтилось побѣдною улыбкой.

Графъ Петръ Павловичъ Трояновскій занималъ на Литейной большую квартиру въ два этажа. Внизу были три комнаты собственно для него, залптыя со дна его отѣзда, и нѣсколько комнатъ для людей, со внутреннимъ корридормомъ и чернымъ выходомъ въ кухню и на дворъ. Вверху были парадныя: зала, гостиная, столовая и комнаты графини Alexandrine. Графъ Николай Петровичъ жилъ отдѣльно.

Въ ряду людскихъ комнатъ нижняго этажа, возлѣ кабинета графа Петра, было помѣщеніе буфетчика Савелія Иваныча и его жены. Двѣ небольшія комнаты составляли его квартиру. Уже около тридцати лѣтъ прожилъ Савелій съ женой Раисой Ефимовной. Ей не было еще пятидесяти лѣтъ, но съ виду она казалась гораздо старше. На морщинастомъ худощавомъ лицѣ ея видны были слѣды глубокаго сердечнаго горя. Эти потухшіе глаза должно-быть пролили не мало слезъ и много бессонныхъ ночей проглядѣли они не смыкаясь. Не мужъ, не Савелій Иванычъ былъ причиной ея тревогъ и огорченій; онъ всегда былъ къ ней добръ, ласковъ и терпѣливъ, но жизнь испортилъ ей сынъ ея, не въ законѣ рожденный, благообразный Іосифъ.

Савелій любилъ этого мальчика до слабости и баловалъ его до глупости. Зато и предавался маленькій Осыка всякимъ шалостямъ безъ удержа. На выговоры матери не обращалъ онъ никакого вниманія и грубилъ ей при всякомъ случаѣ. Наказывать его она не смѣла. Савелій Иванычъ запретилъ ей строго-на-строго налагать на мальчика какія бы то ни

было взысканія, не говоря уже о тѣлесномъ наказаніи. Случалось иногда что грубости ребенка выводили мать изъ всякаго терпѣнія, такъ что невольно, сгоряча, она награждала его шлепками. Въ такихъ случаяхъ онъ съ рыданіями кидаясь жаловаться Савелію Ивановичу на жестокіе побои матери. Каждый разъ Савелій, по необыкновенной слабости, принималъ сторону ребенка и ворчалъ на жену.

— Нѣтъ, Раиса Ефимовна, вѣрь ты мнѣ, не къ добру ведутъ побои и хлестанья, надо на разумъ его дѣйствовать ласковыми словами, а не кулаками да пинками.

— Такъ онъ словъ вашихъ и послушается, отвѣчала бывало разумная Раиса Ефимовна. — Насмѣется онъ надъ вашими ласковыми словами. Дитя дитю розь, Савелій Ивановичъ; много точно что одними словами можно въ повиновеніи содержать, а много, какъ звѣря какого дикаго, только страхомъ и силой одолѣешь. Вотъ если безъ толку бьютъ, ну, тогда, ваша правда, озлобленіе возьметъ. Хуже нѣтъ какъ ежело и виноватаго и невиноваго одинаково бьютъ, всякому и понятно что лучше ужъ виноватымъ быть, потому все равно, колотушекъ не минуешь.

Не внималъ Савелій Ивановичъ разумнымъ словамъ жены; онъ зналъ себѣ начиналъ мальчишку ласковыми словами.

Когда мальчику минуло одиннадцать лѣтъ, Савелій рѣшилъ что пора учить его всякимъ наукамъ.

— Онъ вѣдь не нашъ братъ, онъ барченокъ. Надо сдѣлать изъ него дохтура, говорилъ Савелій.

Начались для Юсіфа долгіе годы ученія.

Съ помощью доброй графини Александры Петровны, прошелъ онъ довольно успѣшно гимназическій курсъ, но перейти въ университетъ на медицинскій факультетъ или въ Медико-Хирургическую Академію не захотѣлъ, а заявилъ упорное желаніе поступить въ Технологическій Институтъ.

Чѣмъ выше поднимался Осиль по ступенямъ образованія тѣмъ ниже цѣнилъ онъ родителей своихъ. Сперва стыдился и конфузился ихъ неразвитости, а потомъ началъ прямо насмѣхаться надъ ними; отъ насмѣшекъ постепенно перешелъ къ неуважительному обращенію, къ грубости и, наконецъ, къ личнымъ оскорбленіямъ. Дошло до того что со спокойною дерзостію изблагованнаго нахала онъ сталъ высказывать матери глубокое презрѣніе, которое питалъ къ ней, прежней любовницѣ какого-то барича, и къ Савелію, недавнему рабу,

прикрывшему по волю господь своимъ холопскимъ именемъ шалости развратнаго дворничика.

Разсердилася наконецъ долготерпѣливый Савелій Иванычъ, выгналъ грубияна Оську изъ дому, съ глазъ своихъ, объявилъ что знать его не хочетъ и всякое денежное пособіе неблагодарному прекращаетъ.

Исчезъ благообразный Іосифъ въ пучинахъ петербургскихъ трущобъ. Савелій не видалъ его нѣсколько лѣтъ; но старикъ зналъ что по временамъ сынъ заходитъ къ матери и что она передаетъ ему свои кровныя деньги, которыя нарочно для него копить въ завѣтномъ мѣшечкѣ. Этотъ мѣшечекъ имѣлъ волшебныя свойства курицы несущей золотыя яйца. Положить въ него Рюса три рубля, а чрезъ день въ немъ оказывается шесть. Знала она очень хорошо откуда являлось такое приращеніе; но никогда старые супруги не говорили между собою о чудодѣйственномъ мѣшечкѣ, хотя каждый день поминали Іосифа и почти каждый день плакала о немъ Рюса. Плакала же она не потому только что была въ разлукѣ съ сыномъ, а потому что самыя дурныя свѣдѣнія доходили о немъ какъ отъ него самого, такъ и отъ добрыхъ людей.

— Въ Институтѣ-то своемъ сошелся съ безпокойными людьми, съ *нигилистами*, говорила Рюса мужу, — втянутъ они его во всякій грѣхъ и въ тартарары. И не узнаешь вѣдь, сѣтовала она, — учится ли онъ тамъ чему-нибудь или такъ себѣ бакауши бьетъ? Пропавшій человекъ совсѣмъ!

Не созналась однакоже она Савелію Иванычу что еще какъ-то зимою семьдесятъ восьмага года приближалъ къ ней однажды Іосифъ, встревоженный и сердитый, и настойчиво требовалъ немедленной выдачи двадцати пяти рублей.

Въ завѣтномъ мѣшечкѣ оказалось всего одиннадцать рублей двадцать копѣекъ.

— Поди возьми у Савелія, требовалъ сынъ.

— Отъ роду не воровала, отвѣчала мать, — не возьму.

— Такъ я самъ возьму, вскрикнулъ Іосифъ и бросился къ столу гдѣ всегда лежали деньги Савелія.

— Не дамъ! стояла мать и руками вѣшнулась въ одежду сына.

Іосифъ до того забылся что поднялъ руку на мать, приблизъ ее, но взять изъ стола денегъ она его все-таки не допустила.

Съ тѣхъ поръ около года онъ не показывался. Не мало удивлялся Савелій видя что завѣтный мѣшечекъ не опораживается. Въ немъ скопилось уже болѣе ста рублей.

За день до визита сдѣланнаго графиней Alexandrine Гибсонамъ по случаю благополучнаго окончанія его дѣла, вечеромъ часовъ въ восемь возвратился Савелій сверху въ свои комнаты отъ господскаго стола. Онъ былъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ.

Слѣдуя однажды навсегда заведенному порядку, Савелій, возвращаясь вечеромъ отъ обѣда господъ, прямо подходилъ къ шкапу стоявшему въ первой комнатѣ; методически отворялъ его, осторожно снималъ съ себя фракъ и вѣшалъ его въ шкалъ, почистивъ предварительно щеткой тутъ же постоянно лежавшею на ближайшемъ столѣ; вынималъ широкій дамскополюый сюртукъ, которому было много, много лѣтъ; надѣвалъ его съ видимымъ наслажденіемъ и довольный направлялся къ чайному столу, гдѣ уже каждый вечеръ сидѣла, ожидая его за самоваромъ, Раиса Ефимовна. Производя всѣ эти эволюціи, онъ обыкновенно разказывалъ жентѣ о гостяхъ и блюдахъ „сервированныхъ“ за обѣдомъ. Такъ было и въ этотъ вечеръ.

Очень медленно и прерывая рѣчь свою то чищеніемъ, то вѣшаніемъ и надѣваніемъ одежды, онъ повѣствовалъ:

— Обѣдали графъ Николай Петровичъ, да графиня Софья Александровна, Марья Федотовны дочка, и гостья наша дорогая, дохтурская дочка Елена Трофимовна... Да ты что же это, Раиса Ефимовна, такъ не весело смотришь, кажись и глаза-то заплаканы, продолжалъ Савелій садясь за чайный столъ и глядя на жену.

— Да что, Савелій Иванычъ, все олять горе мое горемычное, олять чудушко-то, аспидъ нашъ...

— Что, приходилъ олять? еще-таки не угодилъ въ каторгу? Я думалъ ужъ пропалъ совсѣмъ, а онъ вонъ олять появился какъ свѣгъ на голову.

— Онъ здѣсь, въ той комнатѣ, въ спальнѣ, онъ скрывается, шопотомъ произнесла Раиса.

— Здѣсь, высказалъ улавшимъ отъ волненія голосомъ Савелій, — здѣсь въ спальнѣ, что-жь ему надо?

Быстро приподнялся Савелій со стула, какъ бы желая скорѣе увидѣть того кто скрывался въ спальнѣ, но олять тихо опустился. Не могъ онъ самъ дать себѣ отчета что

происходило въ немъ. Сильнѣе всего говорило въ немъ желаніе увидѣть Иосифа; онъ такъ давно, столько лѣтъ не видалъ его. А вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то злость на Иосифа, какое-то чувство страха отталкивали его отъ этого человѣка.

— Чтò же ему надо? спросилъ онъ опять.

— Говорю вамъ, Савелій Ивановичъ, шептала Раиса, — скрывается онъ, его ищетъ полиція, хочетъ сослать въ Сибирь, а онъ убѣжалъ; куда жь ему дѣваться? Извѣстно къ матери и прибѣгъ. Кто жь другой приметъ? Опасливо.

— Ищетъ полиція! Такъ чтò же ты орешь-то: ищетъ полиція?! Наканчешь, дура, бѣды. Развѣ кричатъ такія слова на весь домъ? сердилася Савелій, хотя самъ говорилъ гораздо громче шептавшей Раисы. — А за чтò же ищетъ его полиція? спросилъ онъ помолчавъ немного.

— Не сказывается онъ мнѣ, говоритъ: не пойму. Только укрой ты меня говорить, на три дня, а тамъ ужь полиція не поймаетъ меня. Узнаю, говоритъ, туда куда полицейская дала хватить не можетъ.

— Вотъ какъ! промычалъ Савелій и задумался.

— Ну такъ чтò же, Савелій Ивановичъ? Какое будетъ отъ тебя рѣшеніе? съ безпокойствомъ спросила Раиса послѣ довольно продолжительнаго молчаливаго раздумья мужа.

— Запри дверь на ключъ и веди его сюда. Я самъ спрошу его, отвѣтилъ Савелій махнувъ рукой.

Вывела Раиса изъ спальни худого, блѣднаго, но все-таки очень красиваго молодаго человѣка лѣтъ тридцати. Онъ былъ одѣтъ комиссіонеромъ. Не взирая на небрежный простой нарядъ, на всклокоченные волосы и бороду, на утомленный видъ, на чрезвычайную худобу и изнуреніе, въ каждомъ движеніи его проявлялось болѣе аристократизма, болѣе фашіонабельности чѣмъ въ графѣ Николаѣ Петровичѣ, хотя тотъ былъ одѣтъ по послѣдней модѣ, накормленъ и напоенъ до-сыта.

Савелій опять поднялся было со стула и невольно сорвалось съ его языка столь дорогое для него бываю имя: Осипъ.

Съ жаднымъ любопытствомъ разглядывалъ онъ черты вѣкогда ему столь милыя и дорогія, и сердце его наполнялось такою радостью, такимъ счастіемъ какихъ ужь давно не ощущало оно.

Но на за чтò не хотѣлъ онъ обнаружить предъ женой и ея недостойнымъ сыномъ то чтò происходило въ его сердцѣ,

то что самъ онъ признавалъ непростительною слабостью, а потому, подавляя всякое въ себѣ волненіе, рѣшилъ вести разговоръ съ нимъ тѣмъ спокойнымъ голосомъ и тѣмъ равнодушнымъ тономъ съ какими обращался онъ къ обыкновеннымъ знакомымъ; но пересолнилъ немного, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ когда люди прямые и безхитростные хотятъ насладиться собой, и вышло что-то натянутое, неестественное.

— Дай намъ чаю, Раиса Ефимовна, сказалъ онъ.—А вы, Осиль Савельичъ, садитесь, гостемъ будете.

Ни малѣйше не конфузясь и ничѣмъ не стѣсняясь сѣлъ Осиль къ чайному столу. Не обращая на Савелія никакого вниманія, съ жадностью схватилъ онъ сухарь и началъ грызть его своими чудными бѣлыми зубами.

„Видишь какъ проголодался, бѣдняга“, подумалъ про себя Савелій. Жаль ему стадо голоднаго Оськи. Вся налускная его церемонность мгновенно исчезла, и уже не равнодушнымъ, а ласковымъ голосомъ спросилъ онъ:

— Радъ ты видѣть насъ, Ося?

Вопросъ этотъ и въ особенности сердечный тонъ съ которымъ онъ былъ высказанъ, живо напомнилъ Іосифу старое время, когда его за грубости и дерзости, которыми онъ добивался всего что хотѣлъ, только прощивали ласковыми словами и начинали добрыми совѣтами.

Онъ бросилъ испытующій взглядъ на Савелія, и внутренно насмѣхаясь надъ нимъ, рѣшилъ что со старикомъ церемониться нечего. „Все тотъ же старый дуракъ, сказалъ онъ самъ себѣ,— съ нимъ лучше всего попрежнему, нахаальствомъ.“

— Чего радоваться? отвѣтилъ онъ,—ты же самъ выгналъ меня въ шею изъ дому, довелъ вонъ до чего, при этомъ онъ указалъ на надѣтый на немъ костюмъ комиссіонера,—а я радуйся что тебя вижу. Еслибы не крайность заставила, такъ не пришелъ бы смотрѣть на тебя.

— Замолчи, окаянный! вмѣшалась разсерженная Раиса.— Руки цѣловать долженъ бы у него коли пришелъ помощи просить, а ты вонъ...

— Оставь его, Раиса Ефимовна, безчувственнымъ онъ всегда былъ, безчувственнымъ и остался, прервалъ жеу Савелій, и обратясь къ Іосифу сказалъ твердымъ голосомъ и тономъ хозяина:—коли ты пришелъ ко мнѣ чтобъ укрыться отъ полиціи, такъ по крайности сознайся въ чемъ состоить провинность твоя.

— Не поймешь ты меня, отвѣтилъ Осиль, жуя сухарь.— Разказывать тебѣ мои мысли все равно что въ стѣну бить горохомъ. Ты только, Савелій Ивановичъ, укрой меня для на три, продолжалъ онъ уже болѣе просительнымъ тономъ,—а тамъ прощай навсегда, уѣду въ чужіе края. Не увидимся болѣе. Избавляю отъ себя.

— Такого грѣха на душу не возьму, отвѣчалъ твердо Савелій Ивановичъ.—Ты можетъ христіанскую душу загубилъ или ограбилъ кого. Любишь кататься, люби и саночки возить. Не дамъ помощи ни убивцу, ни грабителю.

Послѣ третьяго стакана чаю вынулъ Осиль изъ кармана небольшую пачку лапирозъ въ красной бумажкѣ, закурилъ и откинулся на спинку стула.

— Ну такъ что жь, Савелій Ивановичъ, началъ онъ самымъ равнодушнымъ тономъ, какъ будто онъ, Осиль, собирался сдѣлать одолженіе Савелію,—укроешь ты меня въ этомъ домѣ для на три? Если не согласишь, такъ и скажи. Уѣду къ другимъ, авось найду добрыхъ людей. А не то пойду прямо въ Третье Отдѣленіе да и отдамся. Пускай дѣлаютъ со мною что хотятъ. Пускай повѣсятъ, мнѣ жизнь копѣйка.

— Ты скажи въ чемъ твоя провинность, а тогда я и рѣшу какъ быть, отвѣтилъ Савелій, на котораго угроза отдаться въ руки полиціи сильно подѣйствовала. „Вѣдь такъ и сдѣлается какъ говорить, подумалъ онъ,—всегда былъ такой рѣшительный.“

— Въ чемъ моя провинность? съ улыбкой повторилъ Іосифъ.—Въ томъ, Савелій Ивановичъ, произнесъ онъ выпрямляясь на стулѣ,—въ томъ что за вашу братію заступаемся мы, не я одинъ, а много насъ. За народъ идемъ, за него страдаемъ.

Не вытерпѣвъ наконецъ Савелій Ивановичъ, разразился:

— А, вотъ что! знаемъ мы васъ, сказалъ онъ горчась,—какъ же, слышали о дѣлахъ вашихъ, куда какъ хороши они! Небось и Соловьевъ, что въ помазанника Божія стрѣлялъ, тожь изъ вашихъ былъ. Ахъ вы, озорники! мерзавцы! Какъ руки-то не отсохнутъ у васъ стрѣлять въ Царя, видно что крѣпостными рабами вы не бывали, не понимаете вы что Государь-то сдѣлалъ для насъ, какую тяготу снялъ онъ съ насъ своимъ словомъ царскимъ, своею святою волею. Совѣсти нѣтъ въ васъ, оканные. Будьте вы всѣ прокляты, негодни. Поди прочь отъ меня. Не укрою я тебя, не хочу...

Всталъ Савелій со стула, посмотрѣлъ на часы:

— Уже половина десятого, сказалъ онъ,—надо идти на верхъ, пора графинѣ чай пить.

Медленно подошелъ онъ къ шкапу, снялъ ланнополый старый сюртукъ и надѣлъ фракъ.

Осилъ умолокъ и вопросительно смотрѣлъ на мать. Въ комнатѣ водарилаась глубокая тишина, только едва слышныя всхлипыванья матери доходили до слуха старика и надрывали его сердце. Ему невыразимо, несказанно стало жаль ее, да и... того тоже. Что же онъ теперь поидеть да отдастся; лучше было бы уѣхать ему отселева въ чужіе края. Можетъ тамъ одумается, исправится. Со временемъ спасибо скажетъ въ душѣ своей что спасъ его въ тяжкую минуту.

Богъ одинъ можетъ быть судьей мыслей и чувствъ наполнившихъ сѣдую голову Савелія въ эти горькія для него минуты, подъ звуки подавленнаго всхлипыванья жены и при увѣренности въ неминуемой гибели его любимаго баловня.

Не произнося ни слова, пошелъ онъ медленными шагами какъ въ лунатическомъ снѣ въ спальню, принесъ оттуда большой ключъ и положилъ его предъ женой на столѣ дрожащею отъ волненія рукой.

Также молча, автоматически вышелъ онъ изъ комнаты не оглядываясь. Идя по корридору, онъ бросилъ изподлобья взглядъ провинившагося на дверь ведущую въ кабинетъ графа, и губы его прошептали:

— Господи! прости мнѣ прегрѣшеніе мое.

Лишь только вышелъ онъ изъ комнаты, вышла за нимъ и Раиса Ефимовна, осмотрѣла нѣтъ ли кого въ корридорѣ, и не видя никого, быстро подошла къ двери кабинета и отперла ее оставленнымъ ключемъ, потомъ, какъ могла тихо, на цыпочкахъ вернулась къ своей комнатѣ, остановилась на порогѣ и не спуская глазъ съ корридора, рукой поманила сына, а потомъ осторожно, едва слышно перевела его къ двери кабинета.

— Принесу тебѣ поужинать, шепнула она, поспѣшно заперла дверь ключомъ и запыхавшись отъ волненія вбѣжала въ свою комнату.

Придя сверху около одиннадцати часовъ, Савелій Ивановичъ не спросилъ Раису Ефимовну куда дѣвался сынъ ея.

Прошло два дня. Утромъ на третій день Савелій уже съ полудня находился наверху, занятый приготовленіемъ столовой для званого завтрака. Кромѣ семейства Гибсона, были приглашены: Марья Федотовна съ дочерью, графъ Nicolas и графъ Павелъ Павловичъ, всего девять кувертовъ.

Погода была ласмурная, сырая; послѣ нѣсколькихъ дней мороза наступила оттепель, попеременно то накрапывала мелкій дождь, то падалъ мокрый снѣгъ медленно таявшій. Съ утра въ комнатахъ было почти темно.

Помпей Аполлосычъ стоялъ за стеклянною большою дверью у главнаго подъѣзда.

— Это кто такое? воскликнулъ онъ, хватаясь за мѣдную ручку замка, готовый отворить дверь подѣхавшему на широкой пролеткѣ господину безъ зонтика, но такъ тщательно закутанному въ теплую шинель съ бобровымъ веротникомъ что нельзя было увидѣть даже кончика его носа. Высадивъ господина, кучеръ погналъ къ сторонѣ Литейнаго моста. Помпея очень удивило что въ такую дурную, мокрую погоду кучеръ этотъ былъ одѣтъ, что называется, съ иголочки.

— Батюшка, Михаилъ Павловичъ, вы ли это? Какъ давно не было васъ видно! привѣтствовалъ Помпей вошедшаго Лобова, снимая съ него шинель.

— Здравствуй, Помпей Аполлосычъ. Ты здѣсь одинъ? спросилъ Лобовъ, озираясь кругомъ.—Правда что давно не видались, добавилъ онъ, убѣдясь что въ вестибюлѣ и на лѣстницѣ нѣтъ никого.—Выѣзжалъ изъ Петербурга.

— Я одинъ тутъ, Михаилъ Павловичъ, всѣ люди на верху, накрываютъ на столъ, потому званый завтракъ сегодня.

Извѣстіе о званомъ завтракѣ повидимому очень не понравилось Лобову.

— Вотъ что, голубчикъ Помпей, торопливо и вполголоса заговорилъ Лобовъ.—Я видѣлъ за границей твоего барина. Ему гораздо лучше. Онъ и докторъ Рыбинъ поручили мнѣ, прежде чѣмъ я увижу графиню, взять въ кабинетѣ графа разныя бумаги и вещи и положить туда вотъ это все.

Лобовъ указалъ на довольно объемистый узелъ бывшій въ его рукѣ.

— Когда я устрою тамъ все что мнѣ приказано, продолжалъ онъ,—я пойду на верхъ къ графинѣ, а теперь мнѣ

надо скорѣе въ кабинетъ. Я знаю что ключъ у Савелія, я пойду къ нему.

— Савелій теперь на верху, позвольте я кликну его, замѣтилъ Помпей.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, я подожду тамъ у жены его.

Въ эту минуту какой-то поваренокъ пробѣжалъ изъ коридора на парадную лѣстницу съ тарелкой въ рукѣ. Любовь тотчасъ повернулася къ нему спиной и закрыла лицо фуражкой. Поваренокъ такъ торопился что не обратилъ вниманія на Помпея и Лобова.

Помпей однако съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Лобова. „Что онъ сегодня такой чудной“? подумалъ онъ.

— Ты, Помпей, не удивляйся что я такъ закрылся. Ты смотри никому не говори что я пріѣхалъ, никто кромѣ тебя не долженъ знать что я здѣсь. Вся штука видишь ли въ томъ чтобы сдѣлать сюрпризъ графинѣ, ты понимаешь? Сюрпризъ. Смотри не проболтайся, а то испортишь все и на тебя разсердится графъ, да и графиня будетъ недовольна. Смотри же, ни слова никому, договаривалъ онъ идя послѣшно къ коридору и грозя ему пальцемъ.

Круглые часы на большой парадной лѣстницѣ пробили половину втораго.

Такъ какъ день былъ пасмурный, въ вестибюлѣ дѣлалось уже темно. Ламповщикъ, съ табуретомъ въ одной рукѣ и съ зажженнымъ фитилемъ въ другой, зажигалъ лампы.

Широкая парадная лѣстница, уставленная по краямъ экзотическими растеніями и покрытая посрединѣ пунцовымъ ковромъ, на которомъ блестяли ввиду каждой ступеньки мѣдные багеты, придавала входу роскошный видъ. Лѣстница была въ два оборота и шла отъ вестибюля сперва одною общею и широкою частью, а потомъ раздваивалась послѣ средней площадки на двѣ, направо и налево, такъ что имѣла двѣ длинныя площадки: среднюю на поворотѣ лѣстницы и верхнюю предъ входными дверьми въ локопъ бель-этажа.

Изъ ожидаемыхъ гостей пріѣхала первая Марья Федотовна. Надо было видѣть съ какимъ олимпійскимъ величіемъ положилъ Помпей Аполлосычъ поперекъ тротуара, отъ кареты до входной двери, приготовленную имъ сходяю, съ какимъ надменнымъ взоромъ и съ какими самоувѣренными жестами останавливалъ онъ шедшихъ по тротуару людей чтобы не помѣшали они пройти знатной госложѣ. вмѣстѣ

съ рослымъ лаксемъ Марьи Федотовны, быстро соскочившимъ съ козель, провезъ онъ какъ ея, такъ и Софью Александровну, осторожно поднимая длинные шлейфы ихъ пладтвей, ловко снялъ съ нихъ шубы, и на вопросъ барышни почтительнѣйше доложилъ что никто еще изъ гостей не позволенъ пожаловать. Затѣмъ подъѣхалъ молодой графъ Николай Петровичъ и послѣшно прошелъ на верхъ. За нимъ графъ Павелъ Павловичъ.

Было безъ пяти минутъ два.

Немного спустя по прибытіи Павла Павловича вышелъ изъ корридора въ вестибюль Михаилъ Павловичъ Лобовъ. Онъ какъ-то дико озирался кругомъ. Замѣтивъ что Помпей протянулъ руку къ воздушному звонку чтобы возвѣстить его появленіе на верхъ, онъ подскочилъ къ нему, нервно схватилъ его за руку и наклонясь къ самому уху произнесъ, не разжимая рта, какимъ-то страннымъ поразившимъ Помпея голосомъ:

— Не звони, я самъ доложу о себѣ.

Такимъ повелительнымъ тономъ были сказаны эти нѣсколько словъ и такъ сильно сжалъ Лобовъ руку Помпея что тотъ даже струсилъ и ничего не отвѣтилъ.

Твердыма, но медленными шагами началъ Лобовъ подниматься по лѣстницѣ. Лакей, стоявшій на верхней площадкѣ, почтительно поклонился племяннику барина, находя разумѣется весьма естественнымъ появленіе его къ завтраку, на который собирались ближайшіе родственники.

Въ ту самую минуту когда Лобовъ входилъ на верхнюю площадку, Помпей Аполосычъ все также гордо и ловко высаживалъ изъ четверомѣстной кареты только что подъѣхавшее семейство Гибсона. Аккуратный Англичанинъ былъ званъ къ двумъ часамъ и пріѣхалъ когда часы на лѣстницѣ были два часа. Гибсоны пріѣхали безъ лакея.

Эмилія Ивановна и Наташа, снявъ верхнія одежды, только что собирались двинуться къ парадной лѣстницѣ какъ необычайный, душу потрясающій крикъ раздался внезапно сверху, огласилъ вестибюль, приковалъ къ мѣсту обѣихъ дамъ и привелъ въ ужасъ Гибсона и Помпея. За первымъ крикомъ послѣдовали сейчасъ же другіе, донесся какой-то шумъ, возгласы ужаса и чей-то голосъ внятно крикнулъ:

— Убилъ, убилъ! держите тамъ внизу, держите!

Въ тотъ же мигъ на среднюю площадку лѣстницы сбѣжалъ сверху Лобовъ, блѣдный, со сверкающими глазами, въ фуражкѣ и съ револьверомъ въ рукѣ.

Одинъ Гибсонъ не потерялся. Увидѣвъ Лобова съ револьверомъ, онъ тотчасъ же бѣдился къ лѣстницѣ чтобы задержать его. Они должны были встрѣтиться у послѣднихъ ступенекъ. Англичанинъ, опытный боксеръ, разчитывалъ, нагнувъ неожиданно голову къ животу противника, увернуться отъ выстрѣла и ударомъ головой сбить его съ ногъ; но не успѣвъ еще подбѣжать къ Лобову, онъ увидѣлъ Наташу уже стоящую врозь него. Она шла къ лѣстницѣ первюю, а потому была ближе къ ней чѣмъ Гибсонъ и скорѣе его подскочила къ Лобову. Подъ вліяніемъ страха за любимаго человѣка, она протягивала уже руки чтобы схватить револьверъ и отстранить выстрѣлъ отъ Гибсона.

Страшно испугался Гибсонъ за Наташу, схватилъ ее за талию, хотѣлъ откинуть назадъ, и проглядѣлъ какъ револьверъ Лобова почти уперся въ его бокъ. Раздался выстрѣлъ и за нимъ новые вопли отчаянія и крики ужаса испуганныхъ людей въ вестибюлѣ и на лѣстницѣ, а Гибсонъ покачнувшись раза два какъ сползъ повалился на полъ.

Все это, съ минуты перваго раздаваемаго на верху крика, свершилось такъ быстро что люди преслѣдовавшіе Лобова по лѣстницѣ не успѣли еще спуститься до средней площадки какъ онъ бѣжалъ уже по вестибюлю къ выходной двери гдѣ его ожидалъ съ шинелью въ рукахъ Оська, одѣтый въ партикулярное платье съ цилиндромъ на головѣ.

Быстро выскочили они изъ дома, повернули направо, пробѣжали шаговъ десять, сѣли на ту же пролетку на которой около часу тому назадъ пріѣхалъ Лобовъ, и быстро унеслись къ Симеоновскому мосту, гдѣ и исчезли въ массѣ экипажей.

Блѣдный Помпей лежалъ въ растяжку на полу; изъ лѣшивой головы его струилась кровь. Недалеко отъ него сидѣла на полу Наташа, блѣдная, но твердая и молчаливая. Она положила голову Гибсона къ себѣ на колѣни, и рукой пробовала бьется ли у него сердце. На верху лежала лицомъ къ землѣ и безъ движенія Елена Трофимовна. Въ слухъ ея торчалъ кивкалъ и около лежала записка:

„Такъ умираютъ предатели“.

Не прошло и десяти минутъ, появились въ вестибюлѣ городовые и вслѣдъ за ними толпа народа. Входная дверь

оставалась настежь отворенною, и квартира Трояновскихъ завоевана была улицей. Внизу окружали лежавшаго Помпея разные чуйки и салоны. Тутъ же хлопоталъ проходившій случайно мимо дома студентъ Военно-Медицинской Академіи, который, осмотрѣвъ голову Помпея, просилъ принести ковшъ холодной воды и полотенце, утѣряя что швейцаръ только контужень и притомъ легко, и что отъ холодной воды онъ очнется.

Наташа съ Эмилией Ивановной и какими-то двумя неизвестными ей мушкетерами осторожно перенесли не приходившаго въ себя Гибсона въ швейцарскую и тамъ уложили его на кровать Помпея. Наташа, стоя предъ кроватью на козлахъ, повторяла непрерывно одаѣ и тѣ же слова:

— Доктора, доктора, Бога ради, доктора!

Прибѣжавшая къ ней графиня Александра Петровна ничего другаго не могла отъ нея добиться.

Болѣе смѣлые любопытные проникали на верхъ и моача окружала лежавшую на полу прекрасно одѣтую дѣвушку въ крови и съ воткнутымъ въ спину до самой рукоятки кинжаломъ.

Графа Павла Павловича уже не было въ домѣ. Онъ уѣхалъ къ градоначальнику чтобы передать ему извѣстіе обо всемъ случившемся.

Черезъ четверть часа прискакалъ участковый, за нимъ полицеймейстеръ и наконецъ врачъ привезенный графомъ Nicolas изъ сосѣдней Маринской больницы. Посылала графиня Alexandrine за двумя медицинскими знаменитостями, но тщетно. Ни одной знаменитости не нашаа дома.

Постороннюю лубанку удалили, входную дверь заперли, снаружи и внутри поставили по городовому и дали наконецъ свободѣе вздохнуть и одуматься всѣмъ пострадавшимъ отъ кровавой драмы и свидѣтелямъ ея.

Помпея тотчасъ же привели въ чувство; онъ сидѣлъ съ перевязанною головою и разказывалъ что въ ту самую минуту когда онъ хотѣлъ броситься на Лобова, сходявшаго еще по лѣстницѣ, „какая-то шельма задержала меня сзади за сюртукъ и хватила меня чѣмъ-то по башкѣ, да такъ сильно что искры посылались изъ глазъ и память отшибло. Ужь не помню чтѣ со мною потомъ и было“.

— Помпей Аполлосычъ, прости ты меня недостойнаго, оказаннаго, рыдая говорилъ старикъ Савелій, кладя предъ нимъ земные поклоны,—во всемъ моя вина, мой грѣхъ. Убилъ тебя

мой негодный Осыка; его, шельму, укрывалъ я тутъ вотъ ужъ третій день. Обѣщалъ онъ уѣхать за границу, ну, я и сжался. Должно-быть уговоръ у нихъ былъ такой съ тѣмъ-то... О, Господи!... и выговорить страшно.

Елена Трофимовна была еще жива, но безъ сознанія. Кромѣ глубокой раны въ спинѣ, изъ которой докторъ вынулъ кинжалъ, наши еще другую на шеѣ. Елену уложили въ постель, но она не очнулась, не произнесла ни слова и чрезъ два часа умерла.

Гибсонъ оказался раненымъ очень тяжело. Пуля вошла въ правый бокъ, но неизвѣстно гдѣ остановилась. Онъ приходилъ на короткое время въ чувство, подозвалъ къ себѣ Эмилию Ивановну, что-то шепнулъ ей на ухо, потомъ взялъ руку Наташи, поцѣловалъ ее нѣсколько разъ, произнесъ нѣсколько словъ которыхъ никто не разслышалъ и опять впалъ въ безпамятство.

По настоянію графини Alexandrine и доктора, его перенесли въ спальню графа Петра Павловича и уложили на его кровать, на которой наши снятый и брошенный ланый костюмъ комиссіонера.

— Если переживетъ эту ночь, сказалъ докторъ, — то завтра или послѣзавтра можно будетъ зондировать рану, поискать гдѣ остановилась пуля и тогда опредѣлить точно въ чемъ дѣло; а до тѣхъ поръ ничего вѣрнаго сказать нельзя. Не могу однакоже скрыть что считаю рану очень опасною.

Ни на одну минуту не отходила Наташа отъ раненаго. Эмилія Ивановна съѣздила домой и привезла Анну Ефимовну и все что нужно было чтобы провести всѣмъ имъ нѣсколько дней въ чужомъ домѣ и не быть въ тягость хозяйкѣ.

Къ вечеру явился судебный слѣдователь, жандармскій штабъ-офицеръ и частный врачъ. Немеленно началось дознаніе.

Болѣе всѣхъ испугалась Марья Федотовна. Отъ перваго крика Елены и до поздняго вечера она не могла успокоиться. Ежеминутно призывала доктора, никому не давала покоя, требовала чтобы всѣ ею занимались, говорила что чувствуетъ приближеніе смерти, нѣсколько разъ падала въ обморокъ, осмыала улреками Alexandrine и до такой степени растерялась что заговорила по-русски. На ряду съ другими, судебный слѣдователь пожелалъ побесѣдовать и съ нею, но она пустилась въ такія объясненія что слѣдователь, махнувъ рукой, послѣшилъ оставить ее въ покоѣ и посовето-

валъ ѣхать домой, что она немедленно и исполнила, чуть не забывъ забрать съ собою дочку.

Ея дочка и графъ Nicolas все время просидѣли молча по разнымъ угламъ большой гостиной. О чемъ думала въ эти долгіе часы вѣчно смѣяющаяся Sophie — сказать трудно, да врядь ли сама она была бы въ состояніи отдать точный отчетъ въ своихъ мысляхъ. То ей неясно мерещилась сцены убійствъ читанныя ею во французскихъ романахъ уголовнаго характера, и невольный страхъ начиналъ разбирать ее; то, безо всякой причины, вдругъ представлялся ей Michel Лобовъ какимъ-то загадочнымъ героемъ, и она готова была увлечься его драматизмомъ. Потомъ вообразилось ей что какой-нибудь социалистъ увидитъ ее въ театрѣ и влюбится, а такъ какъ она не согласится вступить съ нимъ въ гражданскій бракъ и предпочтетъ сдѣлаться законною женой князя Суздальскаго или даже штабсъ-капитана Моргеаштерна, то пожалуй изъ ревности и ее убьютъ.

Графъ Nicolas болѣе всего сокрушался о томъ что хорошій завтракъ пропалъ безвозвратно.

Ни Sophie, ни ея кузенъ и не подходили къ раненымъ; видъ крови былъ обоимъ противенъ, а мертвыхъ они боялись ужасно.

За то графиня Александра Петровна хлопотала и работала за всѣхъ. Откуда силы у нея явились! Она сама раздѣла Елену, сама уложила ее, своими руками поддерживала ее пока дѣлали перевязку; сама распорядилась о приготовленіи постели для Гибсона, непрерывно бѣгала то внизъ, то вверхъ; оттирала Марью Федотовну, успокаивала ее; мимоходомъ забѣгала къ Помлею, даже разъ сама намочила полотенце въ водѣ съ аришкой и наложила ему на голову; въ промежуткахъ разспрашивала докторовъ, давала отвѣты на вопросы судебного слѣдователя; утѣшала старика Савелія, рыдавшаго въ швейцарской надъ Помлеемъ; словомъ, была всюду и помогала всѣмъ, кромѣ, впрочемъ, брата Nicolas, которому не догадалась предложить закусить.

По дознанію обнаружилось слѣдующее.

Обманувъ и услугавъ швейцара, Лобовъ встрѣтилъ на верхней площадкѣ лакея, который не только пропустилъ его безпрепятственно, но и поклонился ему почтительно какъ племяннику барина идущему завтракать въ кругу родныхъ. Съ площадки Лобовъ вошелъ назѣво въ обширную

полутемную переднюю, освѣщенную одною лампой. Направо отъ передней была небольшая проходная комната не имѣвшая собственно никакого назначенія, съ однимъ окномъ на улицу. Изъ этой комнаты, въ которой теперь поставленъ былъ столъ съ различными холодными закусками и водками всѣхъ цвѣтовъ и наименованій, вела одна дверь, въ ту минуту запертая и завѣшанная портьерой, направо въ парадную залу, а другая, отпертая, направо, въ большую гостиную. Рядомъ съ гостиной была столовая, окнами на дворъ, въ которой подъ надзоромъ Савелія вся мужская прислуга занята была послѣдними приговорами къ сервировкѣ завтрака. Савелій уже разливалъ сопошнѣ въ большія чашки, разносимыя лакеемъ по кувертамъ. Изъ столовой, чрезъ буфетную комнату, можно было пройти въ ту переднюю куда вошелъ Лобовъ.

Въ полуотворенную дверь изъ передней въ проходную комнату, гдѣ стояли закуски, Лобовъ могъ легко увидѣть графа Павла Павловича и Рыбину, которые оба и притомъ одни стояли предъ столомъ съ закусками. Елена стояла спиной къ Лобову и держала въ одной рукѣ блюдечко со свѣжею икрой, а въ другой ложечку. Графъ Павелъ Павловичъ разговаривая съ Еленой нагнулся къ столу чтобы разсмотрѣть ближе въ пенсе какъ то что было разложено на тарелкахъ, такъ и надписи на бутылкахъ и кувшинахъ съ водками. Ни онъ, ни Елена не смотрѣли въ сторону передней. Всѣ остальные: Марья Федотовна, ея дочь, графъ Nicolas и графиня Александра Петровна были въ большой гостиной.

Безъ сомнѣнія, Лобовъ нашелъ обстановку удобною для исполненія своего намѣренія, потому что не прошло и одной минуты послѣ входа его въ переднюю, какъ онъ не слышно, незамѣтно для обоихъ разговаривавшихъ, быстро прошелъ по толстому ковру, и приблизившись къ Еленѣ сзади, изо всей силы вонзилъ ей кинжалъ въ шею по направленію сверху внизъ.

Въ первый мигъ Елена не издала никакого звука и осталась на ногахъ, но покачнулась немного впередъ; руки ея опустившись и блюдечко съ ложечкой упало на коверъ. Графъ Павелъ Павловичъ поднялъ голову и увидѣлъ какъ убійца быстро выдернулъ кинжалъ изъ шеи и вторично ударилъ имъ въ спину около лѣвой лопатки. Елена вскрикнула раздирающимъ душу голосомъ и упала впередъ. Графъ удержалъ ее

въ рукахъ своихъ, но видя что убійца быстро удаляется, крикнувъ на помощь, поторопился положить раненую на коверъ и бросился въ переднюю. Въ дверяхъ столкнулся онъ съ человѣкомъ стоявшимъ въ ожиданіи Гибсоновъ на верхней площадкѣ.

Человѣкъ этотъ заявилъ потомъ судебному слѣдователю что Лобовъ, пробѣгая черезъ переднюю, почти въ то же мгновеніе какъ крикъ Елены огласилъ весь домъ, сказалъ ему: „барышни дурно, я бѣгу за докторомъ“, послѣ чего шибко побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

Всѣ бывшіе въ гостиной и въ столовой выбѣжали на крикъ Елены, и мушкетеры погнались за Лобовымъ по лѣстницѣ, но не настигли убійцу, а нашли въ вестибюль Гибсона и Помпея лежащими на полу за-мертво.

Только къ одиннадцати часамъ вечера все въ домѣ успокоилось. Около тѣла убитой красавицы, одѣтой въ бѣлое платье, стояли свѣчи въ трехъ большихъ посеребренныхъ подсвѣчникахъ, и монашенка изъ Дѣвичьяго монастыря читала Псалтырь.

Внизу, въ спальнѣ графа лежалъ Гибсонъ. У кровати его Наташа, обращенная блѣднымъ лицомъ къ тяжело дышащему раненому, сидѣла на стулѣ и не сводила съ него глазъ. Все горе, еще вчера такъ жестоко терзавшее ея сердце, всѣ проекты новой жизни, всѣ разказы Бжозовскаго, все что въ послѣднее время мучило ее, все было позабыто. Въ головѣ, въ сердцѣ, во всемъ существѣ ея было только одно стремленіе спасти любимаго, дорогаго человѣка. Далѣе этой мысли не шла она и ни о чемъ другомъ не думала.

Рядомъ съ кабинетомъ графа, гдѣ поселилась Эмилиа Ивановна, стояла въ своей спальнѣ на колѣнахъ предъ иконами несчастная Раиса. Она молила Бога о прощеніи ей тяжкаго грѣха и о спасеніи недостойнаго раба Божія Іосифа. Савелій Ивановичъ почти все время оставался въ швейцарской. Помпей настоятельно требовалъ у барышни, у доктора, у Савельяча дать ему рюмки двѣ водки.

— Всѣмъ корпусомъ я разслабѣлъ, нудно мнѣ ужъ очень, жаловался онъ,—дайте мнѣ выпить немного, хоть два шкалика, и всякую болѣзнь какъ рукой сниметь.

Но никого изъ окружающихъ не убѣждали увѣренія старика, и водки ему не давали. Нашелся однакоже одинъ, Фадимовъ Матвѣичъ, деньщикъ Марьи Федотовны, который

былъ того же мѣсяца что и Помпей. Не смотря на запрещеніе доктора, онъ принесъ-таки ему въ минуту отсутствія Савельича двѣ рюмки очищенной. Разсудили они вдвоемъ что поазвительно всыпать въ водку перцу и всыпали. Проглотилъ Помпей не безъ удовольствія огненную жидкость и заснулъ богатырскимъ сномъ. На другое утро всталъ какъ встреланный.

Эти стальные натуры у простыхъ русскихъ людей бывають должно-быть потому что всѣ хоть мало-мальски слабыя дѣти умирають дѣтьми. И мреть же ихъ по деревнямъ непомѣрное число. Зато остаются въ живыхъ только тѣ закаленные люди которые вывели малютками погруженіе въ рѣчные проруби 6 января, валяніе въ снѣгу когда отъ высылавшей ослы или скарлатины горить кожа, и тому подобные эксперименты. Такія натуры выносятъ потому безнаказанно морозы въ тридцать градусовъ, походы въ безводныхъ пустыняхъ Средней Азіи и многое множество бѣдъ.

IV.

Около двухъ недѣль оставался Гибсонъ между жизнью и смертью. Почти все это время пробылъ онъ въ жару, въ бреду, въ сильномъ горячечномъ состояніи.

Наташа совѣмъ измучилась и нравственно, и физически. Постоянная душевная тревога и бессонныя ночи до такой степени изнаурили ее что Анна Ефимовна каждое утро, причесывая барышню, съ ужасомъ объявляла ей о появленіи сѣдыхъ волосъ въ ея чудной, какъ вороново крыло черной косѣ. Сколько ни уговаривали ее и Анна Ефимовна, и Эмилія Ивановна раздѣлать съ нею заботы и хожденіе за больнымъ, она не соглашалась. Съ нѣжностью матери, съ заботливостью испытанной сестры милосердія и съ самоотверженіемъ любящей женщины умѣла она облегчать его страданія, слѣдить непрерывно за ходомъ болѣзни, замѣчать малѣйшія перемѣны въ его положеніи и обращать на нихъ вниманіе врача. Любовь дала ей силы, научила терпѣнію и неутомимости въ трудномъ уходѣ за больнымъ, выходящимъ изъ безпамятства только на короткія минуты. Въ эти минуты самосознанія она читала въ глазахъ больного, въ пожатіи его руки, въ словахъ которыя шепталъ онъ, безпредѣльную его любовь къ ней. Сердце ея надрывалось отъ

огорченія при мысли объ этой, по ея мнѣнію, преступной любви, но она утѣшала себя мыслию что быть-можетъ ея заботамъ, ея привязанности къ нему обязанъ онъ спасеніемъ отъ смерти.

Наконецъ, во второй половинѣ ноября, лѣчившій раненаго врачъ и вернувшійся изъ-за границы Дг. Рыбинъ объявилъ что Гибсонъ вышелъ изъ опаснаго положенія. Со всевозможными предосторожностями перевезли его домой и водворили въ его кабинетъ.

Всякій больной только что вышедшій изъ опаснаго положенія, измученный и ослабленный недугомъ, кто бы онъ ни былъ, даже человекъ самый серьезный и твердый характеромъ, неминуемо впадаетъ на первыхъ порахъ выздоровленія въ какое-то ребяческое состояніе: капризничаетъ, упрямится, дѣлается требовательнымъ, терлетъ самообладаніе, то-есть силу и терпѣніе сохранять на себѣ постоянно ту маску которую въ здоровомъ состояніи всегда носить и которая все крѣпче приростала къ нему по мѣрѣ удаленія отъ молодости и пріобрѣтенія жизненной опытности. Сознаніе возврата къ жизни и здоровью такъ сладко и пріятно что выздоравливающей жаждетъ поскорѣ воспользоваться правами существованія.

И Гибсонъ не избѣгъ общей участи, но у него были еще особыя побудительныя причины сдѣлать съ себя маску, выйти изъ замкнутости и притворнаго равнодушія, которыя онъ наизгагалъ на себя въ послѣдніе мѣсяцы. Проведя съ Наташей все время болѣзни, онъ до такой степени привыкъ видѣть любимую имъ дѣвушку что безъ страха, безъ сердечной боли не могъ подумать о томъ времени когда останется безъ постоянного ея общества.

Слѣдственное дѣло о немъ окончилось благополучно, исчезли причины заставлявшія его отклоняться отъ рѣшительныхъ объясненій. Къ тому же, онъ не могъ болѣе сомнѣваться въ глубокой привязанности Наташи. Отъ мистриссъ Эмили Гибсонъ онъ узналъ во всей подробности какою любовью, какою нѣжною заботливостью окружала его Наташа во время его безпамятства; узналъ также, подъ величайшимъ секретомъ, что нѣсколько дней тому назадъ Анкосовъ сдѣлалъ Наташѣ формальное предложеніе, получалъ не менѣе формальный отказъ и теперь собирается въ Закаспійскій отрядъ. Что же могло теперь помѣшать ихъ счастью? Отчего не

объясниться? И Гибсонъ искалъ только удобнаго случая переговорить съ Наташей наединѣ и открыть ей всю душу и сердце свое.

Но съ тѣхъ поръ какъ онъ вышелъ изъ опаснаго положенія Наташа начала постепенно отъ него удаляться; всѣ намеки на его чувство оставалась она безъ поощренія и безъ отвѣтовъ, а попытки откровенныхъ признаній прерывала въ самомъ ихъ началѣ съ явнымъ желаніемъ избѣгнуть объясненій и притомъ съ досадною догадливостью. Его вѣжкую любовь къ ней видѣли конечно и Эмилія Ивановна, и Анна Ефимовна; сомнѣваться въ ней было уже невозможно. Только одна Наташа какъ будто не замѣчала ея. Пожимала плечами старая тетка. Очень недовольна была и Анна Ефимовна. Общимъ казалось непонятнымъ обращеніе Наташи. Не въ состояніи онѣ были истолковать себѣ какъ могло появиться въ ней послѣ самаго вѣжнаго, сердечнаго участія къ больному, послѣ нравственныхъ за него страданій и послѣ доказательства самоотверженной къ нему любви, вдругъ такое равнодушіе по мѣрѣ возвращенія его къ силамъ и здоровью.

Случай переговорить съ Наташей представился Аннѣ Ефимовнѣ скорѣе чѣмъ она ожидала.

Какъ-то вечеромъ Эмилія Ивановна и Наташа сидѣли въ кабинетѣ Гибсона, у небольшого стола предъ диваномъ. Въ другомъ углу комнаты, у большого письменнаго стола полулежалъ въ креслѣ Гибсонъ. Большая висючая лампа, надъ столомъ, ярко освѣщала его сильно похудѣвшее лицо. На немъ былъ длинный двубортный сюртукъ служившій ему вмѣсто халата. Темный цвѣтъ сюртука, застѣгнутаго до самаго верха, выдѣлялъ еще болѣе болѣзненную блѣдность лица и широкими складками обнаруживалъ худобу тѣла.

Другая лампа съ абажуромъ стояла на маленькомъ столѣ, у котораго сидѣли Эмилія Ивановна и Наташа.

Съ невыразимою болью въ сердцѣ замѣчалъ Гибсонъ какъ ужасно изнурилась за послѣднее время дорогая ему дѣвушка.

Говорили о графинѣ Александрѣ Петровнѣ, у которой Наташа была въ то самое утро. Мистриссъ Эмилія выражала удивленіе какъ могла кровавая драма, совершившаяся въ ея домѣ, такъ мало повліяетъ на ея слабое здоровье.

— Она очень скучаетъ безъ *Helène*, сказала Наташа, — и не можетъ найти чѣмъ занять себя, чѣмъ наполнить жажду благотворительной дѣятельности.

— Что жь не поѣдетъ она къ отцу? Ходила бы за нимъ это наполнило бы ей жизнь, замѣтила Эмилиа Ивановна.

— Къ отцу ее не пускаютъ, отвѣчала Наташа.—Крестный говоритъ что ранѣ августа будущаго года ей и думать нельзя свидѣться съ нимъ. Она придумала ѣхать сестрой милосердія въ Закаспійскій отрядъ.

— Съ ея-то слабымъ здоровьемъ? возразила Эмилиа Иванова,—куда ей!

— Въ отрядѣ она будетъ гораздо здоровѣе чѣмъ здѣсь, отозвался Гибсонъ.—Экзальтированныя натуры, какъ она, не уживаются въ будничной жизни. Имъ нужны сильныя иллюзіи. Спокойствіе, которымъ мы такъ дорожимъ, для нихъ невыносимо скучно.

— Никогда не могла я понять, замѣтила тетка Эмилиа,—какъ могъ выработаться такой характеръ въ дѣвушкѣ знатной и богатой семьи.

— Все дѣло воспитанія, отвѣтилъ Гибсонъ.—Эту бѣдную дѣвушку судьба вела страннымъ путемъ: ея мать, совсѣмъ пустая и только свѣтская женщина, да притомъ еще и злая, готовила изъ нея то же чѣмъ была сама. Между тѣмъ природныя инстинкты влекли дѣвушку совсѣмъ въ другую сторону. Прекрасная душа ея жаждала добрыхъ дѣлъ, искала приносить пользу ближнимъ и тянула ее къ тѣмъ вѣчнымъ сердечнымъ привязанностямъ которыхъ нельзя встрѣтить въ шумныхъ свѣтскихъ собраніяхъ.

Наташа тревожно подняла голову отъ работы.

— Сегодня утромъ докторъ Томсонъ сказалъ мнѣ, торопливо начала она,—что въ первый ясный и не холодный день вамъ можно будетъ выѣхать, Василій Федоровичъ.

— Вотъ и прекрасно, отвѣтилъ обрадованный Гибсонъ,—черезъ два дня поѣдемте навѣстить школу „тети Наты“. Мнѣ ужъ такъ давно хочется побывать съ вами вмѣстѣ у дѣтей Морозовыхъ.

— Нѣтъ, Василій Федоровичъ, докторъ позволялъ выѣхать на воздухъ, а не заѣзжать въ гости.

— Вы раздражаетесь къ слову, Natalie, докторъ знаетъ что мнѣ надо успокоить нервы, значитъ мнѣ надо дѣлать именно то что болѣе пріятнѣе, что можетъ меня успокоить, порадовать, осчастливить...

— Нельзя этого, Василій Федоровичъ, прервала его Наташа едва удерживаясь отъ слезъ,—право, я васъ иногда не

понимаю; неужели приходится объяснять вамъ то что вы должны были понять сами?

— О, Natalie! Еслибы вы только захотѣли объяснить мнѣ то чего я никакъ понять не могу, какъ былъ бы я вамъ благодаренъ.

— Я вижу, Василій Ѳедоровичъ, что вамъ сегодня хуже, вы безлокойны и нервны, выговорила съ трудомъ Наташа.

— А вы безжалостны и жестоки, отвѣтилъ Гибсонъ, садясь опять на прежнее кресло.

Онъ облокотился на столъ и обѣими руками закрылъ лицо.

Наташа встала и направилась къ маленькой двери ведущей на кругую лестницу. Но взявшись уже за ручку ея, она остановилась, обернулась назадъ и сквозь слезы, проступавшія на глазахъ ея и въ голосѣ, насила выговорила:

— Не мучьте меня, ваша грусть надрываетъ мнѣ сердце. Я и такъ довольно ужъ несчастна. Будьте сильны, какъ вы были всегда, не теряйте власти надъ собою и не забывайте что я... дочь Анумата.

Въ страшномъ изумленіи подвинулъ Гибсонъ голову. Какъ бы лучъ свѣта озарилъ вдругъ его тяжелыя недоумѣнія. Онъ понялъ какая ужасная мысль завладѣла Наташей.

Онъ хотѣлъ встать и идти за удалившеюся уже Наташей, но силъ не хватило. Первая дрожь приковала къ креслу еще не окрѣпшаго больного. Голова его снова опустилась на обѣ руки.

— Какая адская цитрига! произнесъ онъ вслухъ.—Кому нужно было портить намъ жизнь? Кто навязалъ ей такія мысли?

Тетка Эмилия, въ такомъ же изумленіи слѣдившая за уходившею Наташей, осталась въ кабинетѣ и, глядя на Гибсона въ совершенномъ недоумѣніи, покачивала сѣдою головою.

— Ничего не понимаю, бормотала она,—astonishing, indeed.

Душевно измученная и разстроенная подвинулась Наташа къ себѣ. Анна Ефимовна прибирала на ночь ея спальню, приготовляла постель, зажигала лампаду у иконъ и завѣшивала гардины на окнахъ, когда вошла ея дорогая крестница и молча, въ задумчивости, сѣла на кушетку.

— Что такъ спозаранку разошлись? Нѣтъ и одиннадцати часовъ, говорила старуха продолжая убирать комнату.—Хочешь спать лечь?

— Нѣтъ, мамушка, я не лягу еще, такъ посижу немного. Ты не безлокойся обо мнѣ, я сама раздѣнусь; ты ложись спать.

Посмотрѣла внимательно старуха на свою любимицу и сердце ея защемило. Похудѣла, побѣднѣла ея крестница, темные круги вокругъ глазъ, изнуреніе, слабость—видны во всей. Сидитъ опустившись какъ безсилая какаа, только глаза горятъ и свѣтятся лихорадочнымъ огнемъ.

— Ты глянь-ко-сь на себя, Наташенька, на что ты стала похожа, кровинки въ тебѣ нѣту, краше въ гробъ кладутъ. Изведешь ты себя безъ толку. Пора за умъ хватиться.

— Да, мамушка, правда, пора за умъ хватиться: Такъ жить нельзя. Надо кончить. Вотъ что, мамушка: уѣдемъ мы отсюда поскорѣе, хоть на будущей недѣлѣ, во вторникъ.

— Ладно, голубушка, во вторникъ такъ во вторникъ, возьмемъ и уѣдемъ. Да только куда же это мы стоны-то наши направимъ?

— Сперва съѣздимъ въ Лондонъ, а тамъ посмотримъ, уѣдемъ куда-нибудь подальше, можетъ-быть съ графиней Трояновской въ Закаспійскій отрядъ.

На другой день Эмилія Ивановна сама объявила Наташѣ что поѣдетъ съ нею и что Гибсонъ не будетъ противиться. Съ этой минуты приготовленія къ отъѣзду пошла энергично. Въ комнатахъ Наташи появились русскіе чемоданы, заграничные ящики окаленные сѣрою парусиной и всякаго вида сакъ-воажи. Шкапы и комоды стояли постоянно отворенные настежь, по всей мебели валялись вещи самыя разнообразныя. Съ лихорадочною дѣятельностью укладывалась Наташа.

Но далеко не съ такою же энергіей подвигались приготовленія къ отъѣзду со стороны Анны Ефимовны. Она часто выходила изъ дому, все о чемъ-то хлопотала, куда-то ѣздила и нерѣдко запиралась въ своей комнатѣ, да притомъ и не одна. Нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ ней казакъ Батуричъ, и они о чемъ-то долго совѣщались вдвоемъ. Заходилъ и Трофимъ Григорьевичъ и тоже продолжительно было его посѣщеніе. Но болѣе всего достойно было удивленія сближеніе ея съ теткой Эмиліей. Обѣ старухи не могли повидимому поговориться между собою, тогда какъ прежде онѣ видимо избѣгали одна другую. Во мнѣніи Анны Ефимовны тетка стояла не высоко; со своей стороны, Эмилія Ивановна считала мамушку грубою мужичкой. А въ эти послѣдніе дни вдругъ все перемѣнилось. То мамушка слускается внизъ къ тѣткѣ и

долго съ нею бесѣдуетъ, то тетка поднимается къ мамушкѣ и забирается съ нею въ комнату.

Такъ было и на пятый день послѣ разговора который Анна Ефимовна имѣла съ Наташей въ ея спальнѣ. Рано утромъ вошла мамушка въ комнату тетушки и застала ее занятою тоже укладкой вещей.

— Ну что же, Анна Ефимовна, какъ идуть дѣла, добываи вы что-нибудь? спросила тетка Эмилиа оставляя укладку и садясь на диванъ.—Садитесь вотъ сюда, ближе ко мнѣ, и давайте пить вмѣстѣ кофе.

— Я вотъ пришла посоветоваться съ вами, Эмилиа Ивановна. Забѣгалъ ко мнѣ сейчасъ Батурицъ; говорить что вечеръ видѣлся съ этимъ анаемой Бжозовскимъ. Увѣряеть что пыталъ его, мазурика проклятаго, на всѣ лады, гдѣ страхомъ, а гдѣ и лаской, мытьемъ да катаньемъ и всякимъ цнымъ родомъ, и выцѣдилъ онъ изъ него вотъ что.

Анна Ефимовна вынула изъ кармана своего капота носовой платокъ въ которомъ тщательно были завернуты двѣ бумаги. Осторожно развернувъ платокъ, она вынула ихъ и подала Эмилиу Ивановнѣ. Одна оказалась письмомъ адресованнымъ Батурицу отъ Бжозовскаго, другая была черновой проектъ письма отъ Нуралина, писанный рукою Бжозовскаго по-англійски съ помарками и поправками.

Письмо Бжозовскаго къ Батурицу было слѣдующаго содержания:

„Милостивый государь Андрей Андреевичъ,—Согласно желанію вашему, добровольно симъ заявляю что прилагаемый проектъ письма ко мнѣ Афганца Нуралина, сочиненный и продиктованный мнѣ одною дѣвицей, вынѣ уже умершею, написать моею рукою, что сей самый проектъ письма былъ мною прочтенъ въ присутствіи графини Александры Петровны Трояновской и что такового подлиннаго отъ поименованнаго Нуралина мною никогда получено не было.

„Иосифъ Бжозовскій“.

— Да скажите жь на милость, Анна Ефимовна, какъ могъ Батурицъ заставить Бжозовскаго подписать такую вещь? въ изумленіи спросила тетушка, всплеснувъ руками.

— Вы, сударыня Эмилиа Ивановна, должно-быть и въ ло-мыслахъ не имѣете какіе мазурики водятся на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ хоть самый этотъ проклятый Бжозовскій. Да только

и то надо подумать, сударыня Эмилиа Ивановна, что податься-то ему ужь было некуда; какъ ему было изъ бѣды-то извернуться? Батуринъ-то ему вѣдь не тетка баловница, съ нимъ шутки-то шутить не больно податливо.

Мистриссъ Эмилиа была въ восторгѣ, ей казалось что послѣ признанія Бжозовскаго все дѣло совершенно разъяснилось.

— Значить теперь все на чистоту, сказала она радостно улыбаясь,—все значить навралъ Бжозовскій и теперь доказано что все это неправда. Какъ я рада что дѣло разъяснилось! Надо, Анна Ефимовна, поскорѣе показать эти письма Уильяму и Наташѣ и успокоить ихъ, а то оба ходятъ какъ тѣни.

— Да что же, сударыня, объяснилось-то? развѣ одно то что Бжозовскій о письмѣ навралъ, что ни отъ какого Вавганца онъ письма не получалъ, а самое-то дѣло остается въ той же темнотѣ какъ и прежде. Знаю я хорошо Василия Федоровича. Какъ полагаете вы, сударыня, въ мысляхъ вашихъ, какъ отзовется онъ насчетъ этихъ писемъ? Голову прозакладываю свою что выйдетъ отъ него такое рѣшеніе: Коли ежели, скажетъ онъ, мало на меня злое подозрѣніе, такъ надо чтобы никакого сомнѣнія въ правотѣ моей не осталось ни въ чьей головѣ ни сегодня, ни завтра, ни во вѣки вѣковъ. А гдѣ взять такихъ объясненіевъ? Бжозовскій не можетъ ни знать ни вѣдать что было тамъ у васъ, онъ съ вами въ бѣлой Араліи не былъ. Надо-бъ поискать свидѣтелей оттуда, что знавали бы Наташину матушку въ дѣвкахъ. А свидѣтели—кто? Самъ Василій Федоровичъ, да вы, сударыня Эмилиа Ивановна, а окромя васъ обоихъ тутъ нѣтъ никого.

Крѣпко задумалась Эмилиа Ивановна. Слова мамушки произвели на нее очевидно сильное впечатлѣніе.

— Вы правы, отвѣчала она,—Василій Федоровичъ такой пунктуальный, такой самолюбивый, обидчивый, что еслибы даже Наташу удовлетворило письмо Бжозовскаго къ Батурину, то ему оно показалось бы не довольно яснымъ доказательствомъ.

Помолчавъ немного, она продолжала какимъ-то загадочнымъ тономъ, какъ бы говоря сама съ собою и приходя все въ большее волненіе:

— Хорошо, Анна Ефимовна, оставьте мнѣ эти письма, у меня есть въ виду свидѣтель вѣрный; будьте покойны.

Озабоченность Эмилиі Ивановны и рѣшительный ея тонъ очень удивила старуху мамушку.

— Не говорите Наташѣ ничего, Анна Ефимовна, прошу васъ очень объ этомъ, продолжала тетка Эмилиа.— Дая чрезъ два все объяснится. Вы лучше уговорили бы ее отложить немного отъѣздъ свой. Вотъ говоритъ же докторъ Рыбинъ что она нездорова, нервы разстроены. Полежала бы немного, а я пока нашла бы средство вылѣчить сразу весь домъ.

— Да поможетъ вамъ Богъ, сударыня. Вотъ ужъ коли удача вамъ будетъ, разодолжите всѣхъ; общою благодѣтельницей и спасительницей будете.

Докторъ Рыбинъ, въ которомъ смерть дочери какъ будто разомъ надорвала личную жизнь, проводилъ теперь съ Наташей нѣсколько часовъ ежедневно по утрамъ и каждый день обѣдалъ у Гибсоновъ. Съ безпокойствомъ слѣдилъ онъ за Наташей, часто спрашивалъ ее не чувствуетъ ли она себя нездоровою, щупалъ пульсъ, слушалъ дыханіе, бѣшеніе сердца, измѣрялъ температуру, наконецъ объявилъ что она больна и серьезно, разстройствомъ нервовъ, и что въ такомъ положеніи нельзя ни думать о поѣздкѣ, ни заниматься укладкой вещей, а надо провести нѣсколько дней въ полномъ спокойствіи и принимать лѣкарство.

И не напрасны были опасенія Рыбина, не прошло и трехъ дней послѣ вечера проведеннаго Наташей въ кабинетѣ Гибсона какъ она почувствовала себя настолько слабою что должна была противъ воли отказаться ото всякихъ хлопотъ по сборамъ. Большую часть дня проводила она лежа по диванамъ и кушеткамъ. Съ утра пріѣзжала къ ней графиня Alexandrine и развлекала ее какимъ-нибудь чтеніемъ или разговоромъ. Но разговоры графини мало успокоивали Наташу. Почти всѣ они состояли изъ романтическихъ мечтаній о предстоящемъ въ скоромъ времени отъѣздѣ сестрой милосердія въ Закаспійскій отрядъ. Мечтательная, сентиментальная дѣвушка была увѣрена что Ликосовъ, уже назначенный въ тотъ же отрядъ, напросился туда на службу съ исключительною цѣлю быть вмѣстѣ съ нею. Такое самообольщеніе добройшей Alexandrine вызывало глубокое душевное сожалѣніе со стороны Наташи и еще боаѣ раздражало ея нервы.

За завтракомъ почти каждый день были гости, за обѣдомъ присутствовали Эмилия Ивановна и Рыбинъ, такъ что Наташѣ не приходилось быть ни одной минуты вединѣ съ Гибсономъ. Въ присутствіи ея онъ былъ сдержанъ и молчаливъ. Вообще чѣмъ серьезнѣе слагались для него обстоятельства, тѣмъ спокойнѣе дѣлался онъ самъ. Необходимость обдумывать каждый шагъ, чуть не каждое слово, поневолѣ возвратила его къ прежнему самообладанію и къ обычной замкнутости. Только одни свѣдѣнія о здоровьѣ Наташи, казалось, интересовали его; ко всему остальному онъ былъ повидимому совершенно равнодушенъ.

Такъ прошла тяжелая для всѣхъ недѣля, въ исходѣ которой Наташа думала уѣхать. Все та же нервная слабость, ежедневный жаръ, постоянное лихорадочное состояніе, отсутствіе аппетита и удручающая болѣзненная тоска не оставляли ея. Рыбинъ перемѣнилъ уже три лѣкарства, наконецъ объявилъ Гибсону что Наташѣ ѣхать пока невозможно, что болѣзнь ея можетъ продлиться неопредѣленное время, но что съ другой стороны въ аптекахъ нѣтъ средствъ отъ такихъ недуговъ.

— Нельзя, увѣрялъ онъ, — прописывать граами: душевное спокойствіе, дистиллированное счастье и эссенцію довольства судьбой.

— На все имѣются свои лѣкарства, мой добрый другъ, отвѣчалъ Гибсонъ. — Сегодня, послѣ обѣда, я попробую мои средства, если ваши уже не помогаютъ.

— Вы однакоже будьте осторожны, Василій Федоровичъ, испуганно возразилъ докторъ. — Говоря откровенно, я не ожидаю чтобы вы имѣли возможность поднести бѣдной Наташѣ что-нибудь очень пріятное, а если ваше средство придется ей не по вкусу, или будетъ неудобоваримо, какъ бы не надѣлать вреда.

— Оно необходимо, докторъ, а все неизбежное слѣдуетъ исполнять не откладывая въ долгій ящикъ. Такія вещи гораздо лучше имѣть позади себя въ прошломъ чѣмъ впереди. Будьте увѣрены что такого же мнѣнія придерживается и Natalie. Я ее знаю лучше васъ, вы увидите какъ благоразумно приметъ она мое лѣкарство.

Со времени нездоровья Наташи вся семья обѣдала на верху въ чайной комнатѣ и тотчасъ послѣ обѣда всѣ пере-

ходили пить кофе въ ея кабинетъ, гдѣ и оставались около часу, а если прѣзжали гости, то и весь вечеръ. Она ложилась на кушетку, мало говорила, иногда даже какъ будто дремала, но просила всѣхъ не стѣсняясь ея присутствіемъ говорить громко, утверждая что она спѣдитъ за разговоромъ и что онъ интересуетъ и оживляетъ ее.

Такъ было и въ тотъ вечеръ, когда Гибсонъ рѣшился помочь больной своими средствами.

Выйдя изъ-за стола, Гибсонъ и докторъ расположились въ стеклянномъ балконѣ. Доктору принесли, какъ всегда, стаканъ чаю, рому и сигару. Обыкновенно сидя на балконѣ подалше отъ Наташи, чтобы не беспокоить ее табачнымъ дымомъ, докторъ засыпалъ на четверть часа съ сигарой въ зубахъ, но сегодня сонъ не приходилъ къ нему. Съ болью въ сердцѣ смотрѣлъ онъ на Наташу лежавшую на кушеткѣ. Въ послѣдніе дни она еще болѣе перемѣнилась, похудѣла и поблѣднѣла. Движенія ея были медленны и какъ бы безсильны; въ нихъ выражалось какое-то несвойственное ей ко всему равнодушіе, нежеланіе чѣмъ-нибудь заняться; все это вмѣстѣ рождало тяжкую мысль о томъ какъ угасаютъ молодая, пылкія натуры, отзывчивыя на всякое сердечное ощущеніе и подкошенныя злою судьбой въ томъ что имъ дороже жизни.

Долго смотрѣлъ докторъ на Наташу, наконецъ нагнулся къ уху Гибсона и сказалъ:

— Посмотрите на нее, вѣдь она видимо чахнетъ; надо непременно чѣмъ-нибудь разсѣять ее отъ душевныхъ мученій, надо какъ-нибудь оторвать ея мысль отъ ея несчастной idée fixe. Такъ оставлять невозможно. Я начинаю думать что вы правы; всякое потрясеніе, даже новое какое-нибудь горе, можетъ спасти ее. Попробуйте вашего лѣкарства, Василій Федоровичъ; хуже быть не можетъ.

Гибсонъ всталъ и подошелъ къ Наташѣ.

Тутъ же на стулѣ около кушетки, у изголовья лежавшей больной сидѣла Эмилиа Ивановна и съ аппетитомъ пила свой кофе.

Гибсонъ сѣлъ лицомъ къ Наташѣ и голосомъ исполненнымъ нѣжнаго участія сказалъ:

— Вамъ все не лучше, Natalie. Добрый другъ нашъ Рыбинъ говорилъ мнѣ сегодня утромъ что вамъ вѣхать невоз-

можно, надо поправиться и вернуть прежнія силы. Я съ нимъ согласенъ, въ такомъ положеніи ѣхать нельзя.

— Но я надѣюсь скоро поправиться; повѣрьте, я очень собою недовольна, никакъ не ожидала я чтобы такъ трудно было... исполнять долгъ свой.

— О, это мнѣ хорошо извѣстно! Трудно, Natalie, очень трудно свято исполнять долгъ свой когда онъ не сходится съ сердечными желаніями.

— Но я его исполню; мой долгъ уѣхать отсюда, и я уѣду; меня ужъ не было бы здѣсь еслибъ я была здорова.

— А такъ какъ вы ѣхать теперь не можете, то уѣду я, рѣшительнымъ голосомъ произнесъ Гибсонъ,—я сдѣлалъ уже всѣ необходимыя къ тому распоряженія и думаю выѣхать послѣзавтра на Югъ.

Наташа осталась попрежнему почти недвижною на кушеткѣ. Извѣстіе объ отъѣздѣ Гибсона ее какъ будто и не удивило, она точно была къ этому приготовлена, точно и не ожидала отъ него другаго рѣшенія.

— Что называете вы „на Югъ“? спросила она тихимъ, едва слышимымъ голосомъ.

— Я поѣду въ Индію, отвѣтилъ Гибсонъ,—прямо къ вашему дяду, Natalie, къ магараджѣ Альвара, а если его уже нѣтъ въ живыхъ, то къ его сыну. Но объ этомъ какъ и обо многомъ другомъ мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами наединѣ.

Послѣ короткаго молчанія Наташа протянула Гибсону свою похудѣвшую, бѣлую до прозрачности руку, къ которой онъ съ глубокимъ чувствомъ приложилъ губы.

— Наши двѣ жизни, сказала она,—шли до сихъ поръ вмѣстѣ, теперь намъ предстоитъ разлука тяжелая и долгая, но дружба моя къ вамъ не измѣнится никогда. Прервать совсѣмъ наши отношенія для меня невозможно. Я хочу имѣть частыя о васъ свѣдѣнія, сама буду писать вамъ постоянно, вы будете знать всѣ мои мысли, и ближе васъ никто и никогда ко мнѣ не будетъ. Прежде чѣмъ разстаться съ вами, я и сама собиралась переговорить съ вами. Мы оба слишкомъ... честные люди, чтобы между нами оставалось что-нибудь недоговоренное, неясное. Приходите завтра утромъ сюда, я буду одна.

— Мнѣ тоже необходимо, Уильямъ, видѣть васъ, но раньше чѣмъ вы будете говорить съ Natalie, какимъ-то команд-

нымъ тономъ произнесла тетка Эмилиа.—Я сама приду къ вамъ въ кабинетъ въ одиннадцать часовъ. Вы обѣщаете не говорить съ Natalie прежде меня? настойчиво повторила она вставая.

— Обѣщаю, тетушка, буду ожидать васъ непременно, можете быть увѣрены что желаніе ваше исполню.

— Прошу не забыть, съ особенною торжественностью произнесла Эмилиа Ивановна и горделиво вышла изъ комнаты.

Добрая старушка сдѣлала то что, по ея понятіямъ, превышало человѣческія силы. Она рѣшилась пожертвовать, какъ ей казалось, своимъ частнымъ именемъ и въ назначенное время принесла Гибсону манускриптъ своего покойнаго мужа: *a Short Sketch of my life*, извѣстную читателямъ обстоятельную красную книгу, гдѣ въ формѣ дневника шагъ за шагомъ разказана была исторія Гибсона и Анюмата, исторія въ которой тетушка Эмилиа играла, по ея мнѣнію, такую неказистую роль интригантки противъ роднаго племянника. За то и казнила она себя безъ пощады. Всѣ наиболѣе обличительныя отрывки дневника были заложены новыми шелковыми лентами самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Этотъ тяжеловѣсный документъ вмѣстѣ съ письмомъ Бжововскаго былъ торжественно врученъ ею племяннику для передачи Наташѣ на прочтеніе.

Часа черезъ черезъ два Наташа, сіяющая счастіемъ, вбѣжала въ шкапную комнату, гдѣ Анна Ефимовна все еще укладывала платья въ чемоданы.

— Мамушка, думечка, клади все назадъ въ шкапы. Я ѣду еще не скоро и вмѣстѣ съ нимъ, не помня себя отъ радости кричала Наташа, теребя старуху, дѣлауя, толкая и обнимая ее.

— Что случилось? кричала старуха, подымая съ пола упавшій съ сѣдой головы ея платокъ.

— Представь себѣ, мамушка, продолжала Наташа бѣшено дѣлауя старуху.—Какой онъ славный, умный, благородный! Сама Индія пришла къ нему на помощь въ видѣ покойнаго дяди...

— Пресвятая Богородица! Да ты въ своемъ ли умѣ, Наташенька?

— Въ чужомъ, мамушка; онъ подѣловалъ меня, мамушка, и я его... Но онъ мой мужъ.

Со слезами радости и восторга передала Наташа своей мамушкѣ подробности разговора съ Гибсономъ.

— Ну, слава тебѣ Господи! высказала Анна Ефимовна, обнявъ себя широкимъ крестомъ.— Въ сорочкѣ ты родилась что такого муженька добыла.

— И пойду въ церковь съ тобою, мамушка, пойдемъ завтра утромъ отсажумъ благодарственный молебень и лавихиду.

— Это по комъ же лавихиду?

— По Еленѣ, со слезами на глазахъ отвѣтила Наташа, — помянемъ ее, бѣдную, она тоже сильно любила его.

Въ это время Гибсонъ объявляла мистриссъ Эмилию что съ этого дня онъ имѣеть счастье считать себя женихомъ Наташи, что недѣлю чрезъ четыре будетъ ихъ свадьба здѣсь въ Петербургѣ и что сейчасъ послѣ свадьбы всѣ они вмѣстѣ пойдутъ въ Англiю, гдѣ и проведутъ медовый мѣсяць.

— Поздравляю васъ ото всего сердца, заговорила старуха съ неподдѣльнымъ чувствомъ.— Увѣрена что все ваше почтенное и многоуважаемое семейство будетъ тоже обрадовано вашимъ достойнымъ выборомъ. Мой незабвенный Эдуардъ былъ бы этимъ совершенно осчастливленъ. А гдѣ же манускриптъ? переходя внезапно къ тревожному тону выговорила старуха, не видя красной книги въ рукахъ Гибсона.

— Онъ тутъ на стулѣ, вотъ онъ, возвращаю его вамъ, милая тетушка, съ живѣйшею благодарностью. Онъ избавилъ меня отъ труда съѣздить въ Индiю и ускорилъ мое счастье.

Обрадованная возвращенiемъ драгоценнаго манускрипта, тетка Эмилиа уже не слушала изъявленiй благодарности Гибсона и съ чувствомъ скупанаго, который прячетъ подъ полатицу свое сокровище, слѣшила возвратитъ манускриптъ въ тайники своего комода, гдѣ и суждено ему было пролежать до кончины самой мистриссъ Гибсонъ чтобы вмѣстѣ съ нею быть зарытымъ въ одной могилѣ.

— Какъ я рада, сказала она тщательно запирая комодъ, — что мы увѣжаемъ отсюда! Я очень неохотно осталась бы теперь въ Россiи.

— На васъ дурно подѣйствовало происшествiе бывшее со мною, возразилъ Гибсонъ, — но вы видѣли какъ милостивъ и справедливъ Русскiй Императоръ.

— Сознаться откровенно что я боюсь этихъ социалистовъ. Иногда въ разговорахъ я позволяла себѣ отзываться проиически о томъ что происходитъ въ Россіи; вы помните, я сочинила даже особенную болѣзнь Русскихъ. Мои крайнія мнѣнія могли дойти до оппозиціонной партіи, до этихъ коммунаровъ, и они могли бы пожалуй адресоваться ко мнѣ съ анонимными письмами. Могла выйти со мною исторія какъ съ Еленой Рыбиной...

— О, вотъ какъ! невольно воскликнулъ Гибсонъ, ошеломленный этимъ неожиданнымъ опасеніемъ, но по привычкѣ воздержался отъ дальнѣйшаго разговора о предметѣ который, по мнѣнію тетюшки, былъ такого вулканическаго свойства.

Н. КРЫЖАНОВСКІЙ.